

ЭКСПО-58

Автор:

Джонатан Коу

ЭКСПО-58

Джонатан Коу

Интеллектуальный бестселлер

1958 год. Скромного клерка из Центрального управления информации Томаса Фоли посылают в Брюссель. Миссия его сложна и одновременно почетна: организация паба «Британия» на Международной выставке в Брюсселе, призванной продемонстрировать цивилизованные отношения между европейскими странами, пережившими ужасы Второй мировой войны. Но в том-то и дело, что цивилизованные отношения – всего лишь ширма, холодная война в самом разгаре. И вскоре Томас поймет, каково это – быть пешкой в этой войне. Интересно, как на его месте поступил бы знаменитый герой Яна Флеминга? Этот вопрос не перестает терзать скромного клерка.

Джонатан Коу

ЭКСПО-58

Мы тут все вдохновлены Брюссельским проектом

Собственно, нота бельгийского посла в Лондоне от 3 июня 1954 года была официальным приглашением правительству Ее Величества Королевы Великобритании принять участие во Всемирной выставке в Брюсселе, то бишь Exposition Universelle et Internationale de Bruxelles 1958.

Официальное согласие было получено бельгийским послом пятью месяцами позднее, 24 ноября того же года, по случаю визита в Лондон барона Менс де Фернига, генерального комиссара – устроителя выставки. Правительство Ее Величества изъявило свою готовность приступить к подготовительным работам.

То было событие знаменательное – первая ласточка, первая добрая весть со времен окончания Второй мировой войны. Выставка знаменовала собой сближение европейских наций (ранее – воюющих сторон) под знаменем мирного сотрудничества и даже союзничества – в тот самый момент, когда так опасно обострились отношения между странами НАТО и странами советского блока.

Это было время вдохновенного оптимизма, связанного с последними открытиями в области ядерной физики, но и время тревоги тоже. И впрямь, а что, если все эти достижения будут поставлены на службу сил зла, а не добра? Как символ такого парадоксального положения вещей, на Брюссельской выставке, в самом ее центре, предполагалось возвести Атомиум, огромную монументальную конструкцию из металла, спроектированную бельгийским архитектором английского происхождения Андре Ватеркейном. Стометровый Атомиум должен был изображать гигантскую молекулу железа – в природе она меньше в 165 миллиардов раз.

В официальной ноте бельгийской стороны цели выставки были сформулированы следующим образом:

«...дабы собрать воедино достижения человеческой мысли в области искусства, науки, экономики и всевозможных технологий, чтобы таким образом создать всеохватывающую глобальную картину, осуществить прорыв в духовной и материальной сфере и принять вызов стремительно меняющегося мира. Базовой целью выставки является внести свой вклад в развитие и воссоединение всего человечества на основе уважения к каждой отдельно взятой личности».

История умалчивает, какой именно была реакция британского министра иностранных дел, когда он впервые прочел эти пафосные строки. Но, как полагает наш герой Томас, господину министру нарисовалась весьма безрадостная перспектива: четыре года напряженной подготовки, обсуждений, бесконечных споров плюс финансовые траты... Наверное, в этот момент

послание выпало из его безвольных рук, он устало приложил ладонь ко лбу, выдохнув: «О нет... Вот уж эти чертовы бельгийцы...»

Томас был человеком тихим – и только тем примечателен. Работал он в Центральном управлении информации на Бейкер-стрит. Его сослуживцы называли его между собой «Ганди» – Томас был настолько молчалив, словно принял пожизненный обет молчания. Одновременно, и опять же за его спиной, одна группа секретарш нарекла его «Гари» («уж больно он похож на Гари Купера»[1 - Гари Купер (англ. Gary Cooper, 1901–1961) – американский актер, сыгравший в сотне фильмов, получивший два «Оскара» за лучшую мужскую роль (1941, 1952) и почетный «Оскар» за общий вклад в развитие американского кино (1961).]), а другая группа звала его «Дерком» – потому что глаза его были «прямо как у Дерка Богарта»[2 - Дерк Богард (англ. Dirk Bogarde, 1920–1999) – британский киноактер.]. Как бы то ни было, обе «конкурирующие группы» сходились на том, что Томас очень красив собой. Кстати, сам он чрезвычайно удивился бы столь лестной характеристике и, скорее всего, не знал бы даже, что ответить по этому поводу. Люди, встречавшие его впервые, отмечали про себя чрезвычайную скромность и мягкость его характера, и лишь только со временем (что тоже не факт) вдруг уловили бы в нем некоторые нотки самоуверенности, почти что самодовольства. А пока все сходились на том, что он «честный надежный парень» и «тихий скромняга».

К 1958 году стаж Томаса в ЦУИ насчитывал уже четырнадцать лет. Он пришел сюда в 1944 году, когда ведомство еще называлось Министерством информации, а ему самому было восемнадцать. Сначала Томаса взяли курьером. Он продвигался по службе уверенно, но больно уж медленно, пока не добрался до теперешней должности младшего копирайтера. Так что на сегодня ему было тридцать два, и бо?льшую часть своего рабочего времени он занимался составлением брошюр по здравоохранению и безопасности жизни – например, советовал пешеходам, как и где лучше переходить дорогу, или предупреждал дохлятиков, что стоит избегать массовых скоплений людей, если не хочешь подхватить простуду. Временами Томас предавался воспоминаниям о своем детстве, сравнивая себя с отцом (тот владел пабом), и приходил к выводу, что сам он очень даже неплохо выбился в люди. Но в иные дни работа казалась ему утомительной и никому не нужной – словно вот уже много лет он топчется на одном месте. В такие минуты Томасу хотелось придумать что-нибудь эдакое, чтобы сдвинуться с мертвой точки.

Нет спору, предстоящая Брюссельская выставка внесла в его работу некоторое разнообразие. На ЦУИ была возложена полная ответственность за разработку содержательной стороны британского павильона. Все засуетились, закрипели мозгами в поисках ответа на вопрос-головоломку: в чем же состоит это самое «британство», которое следует продемонстрировать на ЭКСПО-58?

Потребовались люди, которые смогли бы ответить на этот вопрос. И действительно, что означало «быть британцем» в 1958 году? Никто этого не знал. Британия чтит традиции, с этим не поспоришь. Ее блеск и церемониальное великолепие являлись предметом восхищения по всему миру. С другой стороны, те же самые традиции тянули страну назад, и отсюда – страх перед всем новым. Архаичные сословные отличия и трепет перед вовеки неприкасаемым истеблишментом висели на ногах нации, как гири. Так в какую сторону смотреть – вперед или назад, – описывая это самое «британство»?

Вот это была дилемма! Все четыре года, пока готовилась выставка, министр иностранных дел был далеко не единственным человеком, кто в иные дни, засиживаясь допоздна в своем кабинете, бормотал себе под нос: «Проклятые бельгийцы...»

Потому что ответы на вопросы никак не находились.

Впрочем, кое-какие шаги по направлению к цели все же были сделаны. Для создания национального павильона остановились на кандидатуре архитектора Джеймса Гарднера, чьи дизайнерские идеи на Британском фестивале семью годами ранее вызвали множество положительных откликов. Гарднер очень быстро набросал внешний вид павильона, и все сошлись на том, что это и есть грамотный баланс между прошлым и настоящим. Устроители выставки выделили для английского павильона один из самых выигрышных по ландшафту участков. Вся ЭКСПО-58 должна была сконцентрироваться на плато Хейсель, чуть севернее Брюсселя. С внешним видом павильона определились. Но что будет внутри? Ведь на ЭКСПО съедутся миллионы гостей со всего мира, включая даже африканские страны и страны советского блока. Было совершенно очевидно, что американцы с русскими развернутся – одни «во всю Ивановскую», другие – «во всю сэмовскую». А что же британцы? Какой образ, какой посыл следует донести до гостей, с учетом того, что событие-то планетарного масштаба?

И опять никто не знал ответа на этот вопрос. Все сошлись единодушно на том, что, да, павильон Гарднера будет красив во всех отношениях. Можно было утешаться еще и тем, что всем понравилась идея паба или постоянного двора.

Ведь посетителей придется чем-то кормить и поить, и, коль уж национальный характер поставлен во главу угла, то возле павильона следует построить паб. Для не особо сообразительных название паба «Британия» не оставит никаких сомнений в английской идентичности.

Как раз сегодня, в описываемый нами зимний день середины февраля 1958 года, Томас сидел на работе и читал гранки составленной им брошюры «Образы Объединенного Королевства» для продажи возле павильона. Текста было немного, зато он перемежался прелестными оттисками с деревянных гравюр Барбары Джонс. Гранки были на французском языке.

«Le Grand-Bretagne vit de son commerce, – читал Томас. – Outre les marchandises, la Grande-Bretagne fait un commerce important de «services»: transports maritimes et aeriens, tourisme, service bancaire, services d'assurance. La «City» de Londres, avec ses celebres institutions comme la Banque d'Angleterre, la Bourse et la grand compagnie d'assurance «Lloyd's», est depuis longtemps la plus grand centre financier du monde»[3 - «Великобритания активно участвует в международной торговле. Велик ее вклад в международные услуги, такие как морской и воздушный транспорт, туризм, банковское дело и страхование. Не говоря уже о лондонском Сити с его знаменитыми Английским банком, Фондовой биржей и Страховой компанией Ллойда, уже давно и по праву являющейся крупнейшим в мире финансовым центром».]

Тут Томас немного засомневался, правильно ли он употребил артикль la в последнем предложении. Может, следует исправить на мужской род? В этот самый момент зазвонил телефон, и телефонный диспетчер Сьюзан оглушила Томаса удивительным известием: мистер Кук, управляющий отдела по выставкам, приглашает Томаса для беседы! К четырем часам.

Дверь в кабинет мистера Кука была приоткрыта, и оттуда слышались голоса. О, эти вальяжные, бархатные интонации уверенных в себе людей! Так могли разговаривать только представители истеблишмента. Томас хотел было постучаться, но его сковал страх. Вот уже более десяти лет он слышит вокруг себя эти голоса, и пора бы уже привыкнуть. Но он все медлил, и рука дрожала. Словно сегодня должно случиться что-то особенное.

Томас стоял перед дверью и боялся.

– Войдите! – отозвался кто-то, когда, наконец, Томас робко постучал.

Он сделал глубокий вдох, открыл дверь и вошел. Первый раз в жизни он попал в этот кабинет, но именно таким он его и представлял: массивная дубовая мебель, кресла и диваны, обтянутые красной кожей, поглощали все лишние звуки, создавая комфортную атмосферу неспешности и покоя. Из двух огромных раздвижных окон, доходящих почти до пола, открывалась панорама на Регент-парк – было видно, как убаюкивающе качаются на ветру макушки деревьев. Мистер Кук сидел за столом, а справа от него, со стороны окна, расположился его заместитель Мистер Свейн. У камина, спиной к Томасу, стоял незнакомый господин. Томас мог лицезреть его розоватую лысину, отраженную в зеркале с золоченой рамой. На господине был костюм из чесаной шерсти, белая рубашка с крахмальным воротничком, но это ничего не говорило бы о статусе господина, если бы не синий галстук, к которому был прикреплен значок то ли Оксфордского, то ли Кембриджского колледжа.

– А, мистер Фолей! – мистер Кук поднялся с места, чтобы поприветствовать сотрудника. Томас растерянно пожал протянутую руку, крайне обеспокоенный столь теплым приемом.

– Спасибо, что заглянули, мистер Фолей, как это мило с вашей стороны. Ведь у вас, как я понимаю, нынче уйма работы. С мистером Свейном вы, конечно же, знакомы. А это мистер Эллис, из Министерства иностранных дел.

Незнакомец повернулся к Томасу и протянул руку. Рукопожатие его было некрепким, словно сомневающимся:

– Рад знакомству, Фолей. Кук много о вас рассказывал.

Томас буквально не верил своим ушам. Поздоровавшись, он растерянно кивнул, не зная, что ответить. Наконец, мистер Кук жестом пригласил его присесть.

– Ну-с... – произнес мистер Кук, глядя прямо на Томаса из-за своего стола. – Мистер Свейн хорошо отзывается о вашей работе над Брюссельским проектом. Похвально, похвально.

– Благодарю вас, – пробормотал Томас, полуобернувшись к мистеру Свейну и почтительно склонив голову. Чувствуя, что на него имеются какие-то планы, он произнес чуть громче:

– Очень интересная работа. Захватывает тебя целиком.

– О да, мы тут, знаете ли, все вдохновлены Брюссельским проектом. До чрезвычайности, уж поверьте, – вставил мистер Свейн.

– Собственно говоря, – продолжил мистер Кук, – именно поэтому мы и пригласили вас для беседы. Свейн, введите мистера Фолея в курс дела.

Мистер Свейн встал со своего места и, заложив руки за спину, начал вышагивать по комнате на манер учителя латыни, который собирается повторять с классом спряжения глагола.

– Как всем вам уже известно, британский павильон будет поделен на две темы. Первая – это, так сказать, официальная часть и наше детище, над которым корпит все Управление информации. Последние несколько месяцев мы работаем как проклятые, и наш молодой сотрудник Фолей не является тут исключением. Он напридумывал бесконечное количество заголовков, составил массу путеводителей и прочее. Работает с искрой, с огоньком. Конечно же, официальный павильон – важная составляющая и с культурной, и с исторической точки зрения. Времени остается немного, но мы совсем не... эээ... я хотел сказать, еще не достаточно состыковали много всего по мелочам. Но... с основными, базовыми требованиями мы уже справились. Главная наша идея – это продать, или, если выразиться иначе, спроецировать образ британской нации. Держа в голове все аспекты – исторические, культурные, равно как и научные. Мы, конечно же, стараемся оглядываться на нашу богатейшую, полную событий национальную историю. Но одновременно с этим мы всматриваемся вдаль, впереди себя, там где... там где...

Свейн запнулся, пытаясь подобрать слово.

– В будущее? – догадался мистер Эллис.

Лицо мистера Свейна просветленно озарилось:

– Да, совершенно верно. Оглядываемся на прошлое, вглядываясь в будущее. Одновременно и то и другое. Ну, вы меня понимаете.

Мистер Эллис и мистер Кук дружно кивнули. Очевидно, они легко представили себе, как можно одновременно оглядываться назад и вглядываться вперед. Они так старались, что совершенно забыли о существовании Томаса.

– Кроме того, – продолжил мистер Свейн, – будет еще отдельный павильон от «Бритиш Индастриз», но это уже совершенно из другой области. Тот павильон формируется Британским выставочным комитетом, их патронируют крупные промышленники. И у них, в отличие от нас, – узкие, целенаправленные задачи. Частная лавочка, так сказать. Уже много других промышленных компаний выказали желание поучаствовать, так что там предполагается наладить живой и, я надеюсь, успешный бизнес. В Брюсселе только один павильон будет финансироваться из частных источников, и, что весьма лестно, это будет именно «Бритиш Индастриз».

– Частная лавочка, говорите? Ну, еще бы. Нация лавочников, – со сдержанной улыбкой, но не без некоторой доли удовлетворения процитировал мистер Эллис.

Мистер Свейн умолк, сбитый с толку подобным комментарием. Какое-то время он просто тупо смотрел в пустой, нерастопленный, несмотря на холодную февральскую погоду, камин. Наконец, мистер Кук помог ему выйти из ступора.

– Ну что ж, все понятно, Свейн. Мы имеем правительственный павильон, промышленный павильон. Что еще?

– А? Ах, да, конечно, – мистер Свейн снова оживился. – Разумеется, это не все. Есть у нас в запасе нечто такое, что будет располагаться как раз между этими двумя павильонами.

Мистер Свейн повернулся к Томасу:

– Ну же, Фолей, не мне же за вас объяснять. Вы прекрасно знаете, о чем идет речь.

И Томас знал, это уж точно:

– Это будет паб. В стиле постоянного двора.

– Именно! – поддакнул мистер Свейн. – Паб. Под названием «Британия». Старинный постоянный двор, до мозга костей пропитанный английским духом, как... как шляпы-котелки, или рыбопродукты, или картофель... Постоянный двор во всей своей красе, со всем присущим ему английским гостеприимством.

Мистер Эллис передернул плечами:

– Бедные бельгийцы, так вот что мы им предлагаем! Сосиски с картофельным пюре? Недельной давности пирог со свининой? И всю эту красоту можно будет запить пинтой теплого горького пива. Все просто выстроятся в очередь, чтобы к нам эмигрировать.

– В 1949 году, – позволил себе возразить мистер Кук, – на Международной торговой ярмарке в Торонто мы отстроили постоянный двор в йоркширском стиле. Он пользовался огромным успехом. Так что есть надежда повторить этот успех. Будем делать ставку именно на постоянный двор.

– Ну, каждому свое, – полупрезрительно произнес мистер Эллис. – Лично я, очутившись в Брюсселе, с удовольствием закажу себе мидии и бутылку бордо. Между тем моей заботой – нашей заботой – должно стать, чтобы этот постоянный двор, или паб, как вам будет угодно, работал на высшем уровне и под грамотным присмотром.

Томас мысленно пытался понять, что значит – «нашей заботой»? Кто был включен мистером Эллисом в этот круг «озабоченных»? Скорее всего, он все же имел в виду само Министерство иностранных дел.

– Совершенно с вами согласен, Эллис. Тут мы с вами абсолютно солидарны. – Мистер Кук порылся у себя в столе, вытащил из ящика курительную трубку из вишневого дерева и засунул ее в рот, явно не имея никакого намерения раскуривать ее. – Но вся проблема с этим пабом – а чей он, на самом деле? Компания «Уитбред» все отстроит и наладит там работу. То есть, в определенном смысле, мы вроде как ни при чем. Но паб-то будет на нашей территории. И восприниматься он будет как часть британской экспозиции. Поэтому я считаю, что... – (мистер Кук затянулся трубкой, будто она и впрямь набита табаком и весело попыхивает). – Думаю, что это проблема.

– Но вполне решаемая проблема, мистер Кук, – возразил мистер Свейн, отойдя от камина. – Определенно – решаемая. Просто мы должны в этом лично участвовать, в той или иной форме: мероприятие должно проходить под эгидой нашего ведомства, и тогда все будет по высшему разряду.

– Согласен, – кивнул мистер Эллис. – В таком случае, господа, вы должны послать туда своего человека, чтобы он вел все дела или хотя бы приглядывал за всем.

Томас чувствовал себя совершенно по-идиотски, не понимая, почему он должен присутствовать при этом разговоре. Еще больше он удивился, когда мистер Кук взял в руки чье-то личное дело в папке из манильской бумаги и стал пролистывать его.

– Ну-с, дорогой Фолей... Я тут просматривал ваше личное дело... И пара-другая моментов навела меня на определенные мысли. Например, тут у вас сказано... – Кук поднял глаза на Томаса, как будто некоторые сведения, прочитанные им о Томасе, были вполне достойны порицания, – ...тут сказано, что ваша мать была бельгийкой. Это так?

Томас кивнул:

– Она вообще-то и сейчас бельгийка. Родилась в Левене, но вынуждена была покинуть страну в начале Первой мировой. Ей тогда было десять лет.

– То есть вы наполовину бельгиец?

– Да. Но я никогда не бывал в Бельгии.

– Левен... Там говорят на фламандском или французском?

– На фламандском.

– Понятно. Владеете каким-то из этих языков?

– Я бы так не сказал. Знаю от силы несколько фраз.

Мистер Кук снова уткнулся в биографию Томаса.

– Я тут прочитал про вашего отца... – Кук качал головой, пролистывая страницы, словно узнал что-то из ряда вон выходящее. – Вы пишете, что ваш отец держит паб. Это так?

– Боюсь, что нет, сэр.

– О... – Мистер Кук вздохнул, и было непонятно: то ли он разочарован, то ли, наоборот, услышал хорошую весть.

– Нет, мой отец действительно лет двадцать держал паб. «Корона и Роза». В Лезерхеде. Но, к сожалению, он умер три года назад. Хотя мог бы еще пожить. Ему не было и шестидесяти.

Мистер Кук склонил голову:

– Прискорбно слышать об этом.

– У него был рак легких. Он много курил.

Все три господина с изумлением уставились на Томаса.

– Недавние исследования доказали, – осторожно пояснил Томас, – что курение может вызвать рак легких.

– Забавно, – хмыкнул мистер Свейн. – Лично я чувствую прилив сил после пары затяжек хорошей сигарой.

Возникла неловкая пауза.

– Что ж, Фолей, – сказал мистер Кук, – представляю, как вам было тяжело. Мы вам очень даже сочувствуем.

– Спасибо, сэр. Нам с мамой его очень не хватает.

– Гм... Да, да, конечно. Всегда плохо, когда умирает отец, – поспешно произнес мистер Кук, слегка раздраженный тем, что его не так поняли. – Но мы-то имели в виду ваш стартовый, если так можно выразиться, капитал. Отец – хозяин пивной, мать – бельгийка. Да вы просто были связаны по рукам и ногам!

Томас не знал, что и ответить на такое...

– Я понимаю, вы вставили это в свою биографию для проформы, – продолжил мистер Кук. – Ну и правильно сделали. Ведь вы молодец – уже многого добились. Разве не так, джентльмены? Наш молодой Фолей проявил изрядную волю и честолюбие.

– Истинно так, – поддакнул мистер Свейн.

– Совершенно верно, – согласился мистер Эллис.

Все замолчали, и Томасу вдруг все стало совершенно безразлично. Он посмотрел в окно, туда, где шелестел парк. Он ждал, что скажет дальше мистер Кук, но при этом душой был уже на одной из тенистых аллей, мысленно прогуливался с Сильвией, толкая перед собой коляску с ребенком. Вот они идут вместе и смотрят на малышку, сладко сопящую, как звереныш в своей берлоге...

– Ну что ж, Фолей, – заключил управляющий отдела по выставкам, захлопывая папку. – Нам совершенно очевидно, что вы – как раз то, что нам надо. Наш человек.

– В каком смысле? – Томас с трудом оторвался от своих грез.

– Вы будете нашим человеком в Брюсселе.

– В Брюсселе?

– Фолей, вы, вообще, нас внимательно слушали? Мистер Эллис уже объяснил, что нам нужен свой человек от ЦУИ, который бы присматривал за «Британией». Кто-то должен отправиться туда на полгода и постоянно находиться в курсе дел. Этим человеком будете вы.

– Я? Но, сэр...

– Никаких «но». Ваш отец двадцать лет держал паб. И вы наверняка хоть чему-то научились у него.

– Да, но...

– Послушайте, ваша мать – родом из Бельгии. В ваших венах течет бельгийская кровь! Вы там будете как дома.

– Да, но как же моя семья, сэр? Я не могу оставить их на такое долгое время. У меня жена. И у нас недавно дочка родилась.

Мистер Кук благодушно махнул рукой:

– Так летите с ними, если вам так охота. Хотя, честно говоря, большинство мужчин ухватилось бы за такую возможность – полгодика отдохнуть от пеленок и погремушек. Будь я в ваших летах, я именно так и поступил бы.

Мистер Кук окинул присутствующих довольным взглядом:

– Итак, решено, господа?

Томас все же попросил пару дней на размышления. Как раз до понедельника. Мистер Кук был немного уязвлен, но согласился подождать.

После этого разговора Томас уже не мог сконцентрироваться на работе и в полшестого отправился домой. Он был так взволнован, что пошел не к метро, а в сторону ресторанчика «Волонтер», где заказал себе полпинты виски с яблочным соком. В «Волонтере» было полно народу и сильно накурено. Скоро за его столик под села пара – юная брюнетка и мужчина, многим старше ее. У мужчины были усики явно военного покроя, и, судя по разговору, у него был недвусмысленный роман на стороне с этой девушкой, потому что они громко обсуждали свои планы на выходные. Томас очень быстро устал от их откровенной болтовни. Потом в ресторан ввалилась толпа студентов-музыкантов из Королевской академии: заведя в конце зала свободные столики, они чередой прошли мимо

Томаса, то и дело задевая его. Томас быстро допил виски и вышел на улицу.

Уже стемнело, погода сильно испортилась. Порывы ветра выворачивали зонт наизнанку. Дойдя до станции Бейкер-стрит, Томас понял, что запаздывает к ужину и нужно позвонить Сильвии. Он нашел телефонную будку, зашел туда и набрал свой домашний номер. Сильвия ответила почти сразу:

– Тутинг, 25-00, слушаю вас.

– Привет, дорогая, это всего лишь я.

– О, привет.

– Как дела?

– Все хорошо.

– Как наша малышка? Спит?

– Нет еще. А где ты? Что за шум в трубке? Ты что, не на работе?

– Нет, я на Бейкер-стрит.

– На Бейкер-стрит? Что ты там делаешь?

– Да вот забежал в ресторанчик. Немного выпил. Если честно, был повод. Ну и денек, скажу я тебе! Меня сегодня вызывали к руководству и просто ошарашили. У меня новости. Дома расскажу.

– Хорошие или плохие?

– Скорее – хорошие.

– Ты во время обеда не заскочил в аптеку?

– Черт. Забыл.

– Ох, Томас.

– Да-да, прости, я совсем забыл.

– У нас закончилась укропная вода. Ребенок все время хнычет.

– Может, спустишься в аптеку Джексона?

– Они закрываются в пять.

– Но разве у них нет доставки на дом?

– Может быть, но уже неудобно звонить. Ладно, дотерпим до завтра.

– Прости дуралея.

– Дуралей, вот уж точно. И ты опоздал к ужину.

– Что там вкусенького ты приготовила?

– Пастушью запеканку. Ждет тебя уже два часа. Ладно, оставлю кусочек, так и быть.

Закончив разговор, Томас вышел из телефонной будки под дождь. Но он почему-то не спешил спускаться в метро. Просто прислонился к стене, закурил, задумчиво оглядывая спешащих мимо прохожих. Томас думал о своем разговоре с женой. Они, как и прежде, нежны друг с другом, но на душе все равно беспокойно. За последние месяцы произошли некоторые перемены в их отношениях. Конечно, это можно объяснить рождением ребенка, их маленькой Джил. Это событие, с одной стороны, сблизило их, конечно, сблизило, и все же... Сильвия полностью погрузилась в материнство – каждый день то одно, то другое. Она словно вытесняла его из своей жизни. Ничего тут не поделаешь... Еще несколько часов назад, глядя из окна кабинета мистера Кука на Риджент-парк, он представлял себе идиллическую картинку, как гуляет со своей семьей... Только какой ты мужчина, если мечтаешь лишь об этом? А как же честолюбие? Как-то утром на работе его коллеги Карлтон-Браун и Виндраш подслушали, как

он успокаивал Сильвию, взвинченную тем, что ребенок все время срыгивает после еды. После этого они подначивали Томаса целую неделю. И поделом. Это недостойно мужчины, это просто смешно! В его возрасте нужно думать о более обстоятельных вещах. Например, о своем положении в обществе.

Нет, он будет полный дурак, если откажется от командировки в Брюссель! Когда через пятьдесят минут Томас стоял возле дверей своего дома, окончательное решение было принято. Но он не будет сразу выкладывать все карты. Сначала нужно определиться – поедет ли он один или возьмет с собой Сильвию и ребенка.

Дома за ужином он рассказал «хорошую новость»: ему якобы повысили пенсионные отчисления...

Что было, то прошло

Когда в 1914 году мать вывезла ее из Бельгии и они поселились в Лондоне, имя ее писалось уж слишком заковыристо: Marte Hendrickx. Поэтому ее мать упростила на английский лад. А после замужества в 1924 году стала уже Мартой Фолей. Странное имя все равно осталось, и все замужество – более тридцати лет – она жила с ним, но фамилия все-таки была нормальная! А теперь человек, чью фамилию она носила, умер, и одиночество обострилось с новой силой.

Как раз в эту минуту Марта Фолей (я это или не я, думалось ей) сидела под навесом автобусной остановки. Так, тридцать две минуты двенадцатого. Автобус прибудет через одиннадцать минут. У Марты такой характер – уж лучше подождать, но прийти пораньше.

Ей пятьдесят три. В сентябре исполнится пятьдесят четыре. При желании и приложив небольшие усилия, Марта могла бы казаться вполне себе красивой женщиной, но вместо этого она одевалась строго, «по возрасту», не закрашивала седину и делала себе матронистую строгую прическу (прямо как королева-мать). Марта полностью отказалась от косметики, хотя иногда пудрилась и, что было совершенно бездумно с ее стороны, красила губы ярко-красной помадой. Во всем же остальном она была чистая матрона. «В конце концов, я уже бабушка, – рассуждала Марта. – Следует соответствовать».

Она сидела на скамейке, озирая безмятежный пейзаж вокруг: волнистую ленту дороги и старый парк, здесь, на окраине городка Лезерхед. В небольшом отдалении вздымались зеленые бархатные холмы графства Суррей. Как и любое воскресное утро в английской провинции, это утро было таким тихим, что закладывало уши.

Автобус придет минут через шесть. Марта вытянула ноги перед собой и блаженно вздохнула. Она так любила эту английскую тишь, и все не могла ею надышаться...

Пять минут первого. Томас подошел к домашнему бару, налил себе виски, добавив немного содовой из сифона. Для Сильвии и своей матери он наполнил два бокала коричневого шерри.

– Прошу вас, мама, это вам, – сказал он, поставив бокал перед Мартой.

Вошла Сильвия, на ходу поправляя волосы. Она хлопотала на кухне – запеченное мясо уже почти готово, осталось только добавить подливку.

– Как поживаете, миссис Фолей? – промолвила Сильвия и наклонилась, чтобы поцеловать свекровь в припудренную щечку. – Утренние автобусы ходят по расписанию? Вот купим машину, и Томас будет забирать вас прямо из Лезерхеда. Такие долгие поездки для вас утомительны.

– Что вы, напротив, мне нравится путешествовать.

– И это правильно, что мама сама себя обслуживает, – сказал Томас.

Миссис Фолей укоризненно посмотрела на сына:

– Ты так говоришь, как будто я уже дряхлая старуха. Вот подожди лет двадцать, а там посмотрим.

– Ну, хорошо, хорошо, – примирительно произнес Томас. – Просто я не думаю, что машина появится так уж скоро. Нам еще выплачивать за дом.

– Что ж, очень разумное вложение денег, – сказала миссис Фолей, окидывая взором комнату. – У вас очень красивый и уютный дом.

Потом возникла долгая пауза – было слышно, как громко тикают каминные часы. Не зная, как еще поддержать разговор, Томас с тоской посмотрел на журнальный столик, где был отложен сегодняшний номер «Observer». Он едва успел его пролистать, хотя там было много всего интересного и парадоксального. Во-первых, сама передовица: яркая, эмоциональная статья Бертрانا Рассела в защиту кампании по ядерному разоружению. На следующей странице поставили редакционный материал, написанный в более взвешенном, выдержанном стиле. Автор этой статьи, полемизируя с предыдущей, утверждал, что в порыве запретить распространение ядерного оружия не стоит забывать об огромной пользе ядерной энергии – ведь именно она является дешевым, не загрязняющим окружающую среду источником электричества. Томас еще не решил, с какой из спорящих сторон он готов согласиться. Эх, неплохо было бы перетереть эту тему с кем-нибудь из коллег – да хотя бы с тем же Виндрашем или Трейсперселем! Где-нибудь в столовой, во время обеденного перерыва. С Сильвией бесполезно говорить о политике, потому что у нее нет собственного мнения на этот счет. Да и как можно требовать этого от женщины. Томас и сам не был большим экспертом в области международных отношений, и уж тем более – в области ядерной физики, но он остро ощущал, что это очень важно: находиться в курсе дел. Поэтому он старался много читать на эту тему, ежедневно восполняя пробел за пробелом. Ему очень хотелось верить, что где-то там, за пределами тихого и вязкого, как болотце, Тутинга, есть огромный бушующий мир идей, где все постоянно движется, меняется, совершаются открытия, где одна идея опровергает другую. И этот мир беспрестанно спорит сам с собою, раздувая пламя важного, большого разговора. И, кто знает, может быть, в один прекрасный день в этот хор голосов добавится и его скромный голос – голос Томаса Фолея.

– Ой, я забыла почистить морковь для гарнира, – сказала Сильвия, отставив бокал.

Она хотела было встать из-за стола, но Томас остановил ее:

– Сиди. Я сам.

Он быстро поднялся с места и вышел из комнаты.

Оставшись наедине, Сильвия и миссис Фолей почувствовали некоторую неловкость. Чтобы как-то заполнить паузу, обе пригубили еще вина.

– Какая прелестная фотография, – с наигранной живостью сказала миссис Фолей, кивнув в сторону каминной доски, на которой стояло последнее фото Джил, вставленное в березовую раму. Оно было сделано в фотоателье на Хай-стрит пару недель назад и только вчера утром доставлено на дом посыльным. Малышка Джил сидела на овечьей шкуре. Глаза девочки сияли, а на лысой головке красовался кружевной капор. Фото было черно-белым, но фотограф аккуратно добавил румянца на щечках.

– Такая вырастет красавица, – с уверенностью произнесла миссис Фолей.

– Вы думаете? – Сильвия зарделась, скромно опустив глаза.

– Да-да, ты посмотри. Она вся в тебя. У нее будет такая же персиковая нежная кожа. Вот если б она уродилась в Томаса, хлопот бы не обобрались! У него в юности была ужасная кожа, просто кошмар. Да у него до сих пор вскакивают на лице прыщи. Это по отцовской линии.

Миссис Фолей была человеком прямолинейным. Жизнь многому ее научила, но тактичности – нет.

– Малышка спит? – спросила Марта.

– Да. Пойду, взгляну: как там она.

Сильвии очень хотелось вышмыгнуть из комнаты под любым предлогом, и тут как раз еще в прихожей зазвонил телефон.

– Ой, извините, я сейчас.

Звонила Гвендолин, мать Сильвии, проживающая в Бирмингеме. Томас, который в этот момент чистил на кухне морковь, выглянул в коридор и шепотом попросил:

– Скажи, пусть перезвонит.

Но Сильвия уже покорно внимала щебету в трубке, и Томас обиделся. Когда они вернулись в гостиную, Томас понял, что был не прав.

– Простите, ради бога, – сказала Сильвия, выкладывая тушеные овощи на тарелку свекрови, – но звонила мама и вконец меня расстроила.

– Ой, только не клади мне много картошки, – предупредила мисс Фолей. – Я и так еле застегнула пояс, а если наемся, то вообще не смогу дышать.

– Что там у них стряслось, дорогая? – спросил Томас.

– Да кузина Беатрикс...

Всякий раз, как скажут «кузина Беатрикс» – жди интересных новостей! Из всех родственников Сильвии, Беатрикс была самой колоритной (и наименее ими уважаемой) персоной. Беатрикс жила эмоциями и вечно бросалась в какое-нибудь новое любовное приключение, хотя у нее была годовалая дочь. Сильвия с Томасом частенько на пару перемывали ей косточки, когда на горизонте всплывала какая-нибудь очередная скандальная история. Но хотя они оба посмеивались над ней, в душе очень даже ей завидовали.

– Ой, только не говори, что она бросила своего старика-канадца и наметила себе очередную жертву, – сыронизировал Томас. – Я знал, что этот роман не протянет и пары лет.

Но оказалось, что новость очень даже трагическая.

– Да она в аварию попала, – сказала Сильвия. – Притормозила у развилки, чтобы повернуть, и ей в хвост врезался грузовик.

– О, господи, – выдохнул Том. – Сильно пострадала?

Сильвия грустно кивнула:

– Перелом шейных позвонков. Бедняжка – она в больнице, и это на несколько месяцев точно.

Все трое грустно замолчали, переваривая новость.

– Спасибо, что хоть осталась жива, – сказала, наконец, миссис Фолей.

– Да, слава богу, – согласилась Сильвия.

Печальная пауза возобновилась. Потом Томас произнес:

– Давайте поблагодарим Господа.

– Да, ты прав, – ответила Сильвия, молитвенно сложив руки и закрыв глаза. Остальные двое последовали ее примеру:

– Что бы ни ниспослала нам судьба, за все мы должны быть благодарны Господу нашему...

– Аминь, – заключили Томас и его мать.

Все снова стали есть. И оказалось, что все темы для разговора исчерпаны.

– Какие очаровательные у вас салфетки, – заметила миссис Фолей. – Кажется, тут изображены альпийские пейзажи?

– Угу, – промычал Томас, не отрываясь от еды.

– Я купила их в Базеле, – сказала Сильвия. – Правда, я привезла оттуда сувенир, которому вообще цены нет.

Сильвия лукаво посмотрела на Томаса, но он так был занят поеданием пастушьего пирога, что пропустил этот комментарий мимо ушей.

Сильвия обиженно задержала взгляд на муже. Тот старательно нанизывал еду на вилку, макая ее в соус. Такое безразличие задевало, и Сильвия сейчас испытывала смятенное чувство – любовь, но одновременно и тревогу. Ведь она доверила этому человеку свою судьбу. В последнее время ей казалось, что их брак был ошибкой...

До замужества у Сильвии было не так много романов, и все они заканчивались печально. Замуж за Томаса она вышла поздно, в тридцать два. До тридцати жила с родителями в Бирмингеме, и потратила, по ее собственному мнению, лучшие годы совсем не на того человека. На какого-то коммивояжера с севера Англии, многим ее старше. Мало того, Сильвия успела с ним обручиться. Они познакомились в кафе торгового центра. Сильвия даже помнит, что это была пятница. Он подсел к ней, и они разговорились. А потом он заплатил за ее кофе с эклером. После той первой встречи они не виделись несколько месяцев, но завязалась страстная переписка, за которой, наконец, последовала вторая встреча (на этот раз – в кофейне) и предложение руки и сердца. Даже теперь Сильвия удивлялась: как можно быть такой дуручкой! Они продолжали видеться два-три раза в год. Письма скрашивали разлуку, но приходили все реже и реже. И, наконец, однажды, когда Сильвия пришла на почту за очередным письмом и вскрыла конверт, внутри она обнаружила записку от анонима, в которой сообщалось, что ее «жених» давно имеет семью и троих детей. А таких невест у него – пруд пруди по всей стране.

Сильвия впала в продолжительную депрессию. Доктор прописал ей свежий воздух и подвижный образ жизни. Летом 1955 года родители помогли ей купить поездку в Швейцарию, где предполагался пеший поход в Альпы. Попутчицами Сильвии были две молодые женщины, чьи отцы почему-то оказались подчиненными ее отца. Сильвия знать не знала этих девиц, и, по правде говоря, они не очень-то ей понравились. Но, как оказалось, нет худа без добра. В конце поездки все втроем они остановились на несколько дней в Базеле. Там они решили немножко покуражиться и отправились в винный погребок, где и познакомились с Томасом. Надо же – англичанин, и определенно холостой, уж если путешествует один, – как это было кстати! Молодой человек с радостью присоединился к их компании. Томас отличался обворожительными манерами, да и кто бы мог устоять перед мужественной линией его подбородка? Одна из подруг сказала, что в его светло-голубых глазах (прямо как у Гари Купера) можно утонуть. Вторая настаивала, что он – вылитый Дерк Богарт. Сильвия ничего такого не заметила, но зато почувствовала, что из Томаса получится хороший муж. После нескольких дней женского соперничества победила Сильвия. Правда, на этот раз она была осторожна и не стала форсировать события. По возвращении домой она еще несколько месяцев очень сдержанно принимала ухаживания Томаса, хотя в душе уже все решила. Наконец-то ей повезло. Ее будущий муж работал в Центральном управлении информации, на довольно престижной работе, имел приличное жалованье. Да и переезд в Лондон обещал стать настоящим праздником.

Голос миссис Фолей вернул Сильвию к реальности.

– Простите, миссис Фолей, вы что-то сказали?

– Я спросила, – повторила миссис Фолей, промокнув губы клетчатой бумажной салфеткой, – будете ли вы забирать отжимную машину. Я почти ею не пользуюсь. Многие считают такие приспособления старомодными, но как раз они-то и есть самые надежные. Тем более что с рождением малышки у вас теперь много стирки.

– Как это мило с вашей стороны, – ответила Сильвия. – Дорогой, что скажешь?

Потом проснулась Джил, и Сильвия отправилась наверх, чтобы покормить ее. Томас налил матери чашку чаю, и они вдвоем вышли в сад. Сквозь гущу облаков пробивалось полуденное солнце, и было достаточно тепло. Они присели за столик из кованого железа – Томас купил его прошлым летом, поддавшись порыву. Он намеревался заняться садом и все тут обустроить. Чтобы сидеть на солнышке, читать газеты и приглядывать за дочкой, играющей в песочнице, – до сих пор недостроенной, кстати. До сада у него тоже не дошли руки.

– Тебе надо привести все здесь в порядок, – с укором сказала ему мать.

– Да, я знаю.

– А это что за канава?

– Я хотел сделать прудик и запустить туда золотых рыбок.

– Ты еще собирался выращивать овощи.

– Обязательно. Посажу картошку и бобы. Просто еще рано.

Потом он рассказал матери про свой визит к мистеру Куку, про мистера Свейна и мистера Эллиса из Министерства иностранных дел. И что его хотят отправить на шесть месяцев в Бельгию.

– А как же Сильвия?

– Я ей еще не говорил. Нужно выбрать удобный момент.

– А вы можете поехать все вместе?

– Это предполагается. Но я не уверен. Не думаю, что там будут такие же комфортные условия для проживания. Фактор немаловажный.

Миссис Фолей укоризненно погрозила пальцем:

– Не смей унижать ее, Томас. Ты должен быть хорошим мужем. Вот все это (она махнула рукой куда-то вдаль, за пределы их дома и сада, недостроенного прудика и сарая, в котором Томас хранил незамысловатый садовый инвентарь, куда-то в сторону железнодорожной насыпи и унылой равнины Тутинга) – здесь все для нее чужое. Только представь, каково оказаться вдали от родителей, рядом с мужчиной, который не ставит тебя ни в грош!

Томас прекрасно понимал, что сейчас мать говорит не о нем, а о своих отношениях с покойным мужем. Ему только этого не хватало...

– Ты знаешь, что у твоего отца были романы на стороне?

– Да, ты говорила.

– И я все это сносила. Хотя мне было не все равно.

Миссис Фолей зябко поежилась, кутаясь в шаль:

– Ну, все, пойдем в дом, становится холодно.

Миссис Фолей хотела было подняться из-за стола, но Томас остановил ее:

– Мама, я ведь буду в Брюсселе. Оттуда рукой подать до Левена, до того места, где ты родилась. Это в полутора часах езды. Я туда обязательно загляну. Я знаю, что того дома больше нет, но можно хотя бы посмотреть, поговорить с людьми,

пофотографировать.

Миссис Фолей резко поднялась со своего места:

– Нет, прошу тебя, не надо! Мне это ни к чему. Я и думать-то об этом перестала. Что было, то прошло.

Мы живем в современном мире

В полпятого во вторник Томас отправился через Сент-Джеймс парк в сторону Уайтхолла. Несмотря на обильный непрекращающийся дождь, он шел бодрой, пружинистой походкой, мурлыча под нос веселый мотивчик, привязавшийся к нему еще со вчерашнего вечера, – то была «Прогулка по бульвару» Фредерика Керзона[4 - Фредерик Керзон (1899–1973) – английский композитор.].

Выходные прошли спокойно, и все разрешилось благополучно. Вчера во время ужина Томас, наконец, рассказал жене о командировке в Брюссель. Поначалу Сильвия была в шоке. Ведь это означало, что она остается с ребенком одна, на полгода! При этом она даже не спросила (а Томас и не предложил), можно ли поехать втроем. Томас сказал, что будет писать, звонить и прилетать домой на выходные.

Чем больше он расписывал все выгоды поездки, тем больше Сильвия понимала, что отказываться от такого предложения нельзя. Вечерний пудинг был уже съеден, Сильвия успокоилась и взглянула на вещи более прагматично.

– В самом деле, – сказала она, зачерпнув ложечку сгущенки и сдоблив ею тонкий ломоть яблочного пирога, – по-моему, это очень большая честь, что мистер Кук остановился именно на тебе и даже не стал перебирать кандидатуры. Здорово. Перезнакомишься там с массой людей – бельгийцами, французами и даже с американцами.

Итак, Сильвия не возражала. Конечно же, они будут скучать в разлуке, но для Томаса эта поездка означает продвижение по карьерной лестнице! На целых полгода он превратится из клерка в большого человека и внесет свою лепту,

пусть даже самую скромную, в международные отношения. Да, такая перспектива приятно щекотала ее самолюбие. Она так ему и сказала.

Не удивительно, что сегодня он шел такой окрыленный. Ему даже казалось, что он прибавил несколько сантиметров в росте. Оказавшись на мосту, ведущему к Birdcage Walk – аллее Птиц, Томас посмотрел на реку. Лондонские чайки парили низко над водой в скользящем полете, и Томас чувствовал сейчас кровное родство с этими птицами.

Через полчаса он уже сидел в конференц-зале номер 191 Министерства иностранных дел. Никогда прежде он не оказывался столь близко к самой сердцевине власти.

Стол для заседаний был огромен и длинен, и за ним не было ни одного пустого места. Воздух посинел от сигаретного дыма. Кое-кого из присутствующих Томас запомнил, ожидая в приемной. Некоторых просто невозможно было не узнать – ведь то были крупные публичные персоны, такие как сэр Филип Хенди, директор Национальной галереи; сэр Бронсон Олбери, знаменитый театральный постановщик; сэр Лоренс Брэгг – прославленный физик, председатель Королевской ассоциации. В зале присутствовал и Джеймс Гарднер, автор проекта национального павильона на предстоящей Брюссельской выставке. Томас несколько раз сталкивался с ним по работе. А вот сэра Джона Болфора, Рыцаря Великого Креста, генерального комиссара павильона Великобритании – человека, с которым сегодня яростно схлестнется Гарднер, – этого господина Томас видел впервые.

Все не заладилось с самого начала. В воздухе витало ощущение нервозности. Выставка открывалась через три месяца, а работы все еще было невпроворот. На столе перед сэром Джоном возвышалась внушительная стопка бумаг, отчего лицо его выражало крайнюю степень брезгливого недовольства.

– Позвольте сказать, господа, – начал он несколько устало, но не без ноток твердости в голосе, – что в последние несколько недель наши бельгийские коллеги состояли с нами в плотной переписке, о чем свидетельствует вот эта гора проделанной нами бумажной работы. Хочу заметить, что это далеко не все, и что мы были избирательны, составляя подборку. Впрочем, каждый из вас получит копию этого пакета документации. Но мне хотелось бы как-то

суммировать наши задачи. Присутствует ли в зале уважаемый сэр Малколм?

Как оказалось, сэр Малколм Сарджент, дирижер симфонического оркестра Би-би-си и главный музыкальный консультант от британской стороны, не смог прийти.

– Меня просили передать, что у него репетиции, – высказался со своего места молодой человек в полосатом костюме. Томас сразу решил про себя, что это какая-то мелкая сошка. – Сэр Малколм приносит свои извинения, – продолжил молодой человек. – Но он полностью контролирует подготовку концертной программы.

– При этом он не снабдил вас какими-либо деталями, чтобы поделиться с нами?

– Он назвал пару-другую имен. Естественно, Элгар[5 - Эдуард Уильям Элгар (1857–1934) – английский композитор романтического направления.]. Немного Перселла[6 - Генри Перселл (1659–1695) – английский композитор, представитель стиля барокко.]. Ну, и вся остальная компания.

– Прекрасно, – одобрительно кивнул сэр Джон. – От себя хочу добавить, что с бельгийской стороны поступают весьма... эээ... занятные идеи.

Он скользнул взглядом по документу, лежащему наверху стопки:

– «Недельный... обратите внимание – недельный фестиваль электронной музыки и musique concr?te – мировые премьеры от Стокхаузена и... мой Бог, не знаю даже, как правильно это произнести – ...и Ксенакиса...»

Сэр Джон недоуменно обвел взглядом присутствующих:

– Кто-нибудь слышал эти фамилии? И что сие значит – musique concr?te? Что это вообще такое – «конкретная» музыка? И для кого конкретно? Кто-нибудь может просветить меня на сей счет?

Все смущенно замотали головами, и, пока они мотали головами, Томас потерял нить высказывания. Тут внимание его привлекли два странных человека, сидящих в самом дальнем конце стола. Интересно, чем же они так выделялись?

Оба с таким же интересом, как и остальные – может, даже с еще более острым – слушали происходящую в зале дискуссию, но одновременно с этим имели весьма отстраненный вид. Нельзя сказать, чтобы они перекинулись друг с другом хотя бы парой фраз или вообще хоть как-то реагировали друг на друга, но сидели при этом, близко сдвинув стулья. Словом, производили впечатление двух молодцов из одного ларца. Оба, насколько мог судить Томас, были средних лет. У первого были напомаженные темные волосы и лунообразное лицо с выражением полного отсутствия и одновременно глубокой вдумчивости. Второй казался более добродушным, но очень рассеянным. На левой щеке его красовался шрам, который, впрочем, не воспринимался как нечто зловещее и никоим образом не разрушал впечатления об этом человеке, как о натуре явно мечтательной и беззлобной. Но именно эти двое не были никак представлены остальным, никто ни разу не произнес их имен. Странно, но присутствие этих господ раздражало.

– ...Ну, не знаю, как вам, а по-моему – это блестящая идея, – голос сэра Джона вырвал Томаса из полузабытья, и он вдруг понял, что многое пропустил. Ну да, принимающая сторона просит британскую сторону поучаствовать в Неделе современной музыки. Все присутствующие сошлись на идее барабанного шоу.

– Может, пусть это будут королевские гвардейцы, – предложил кто-то.

– Прекрасно, – сэр Джон кивнул девушке-секретарю, чтобы та сделала соответствующую пометку.

В этот самый момент кто-то, сидящий в дальнем углу, презрительно фыркнул:

– Ха!

Сэр Джон, оскорбленный в самых лучших чувствах, вскинул голову:

– Мистер Гарднер, вы хотите заявить официальный протест с занесением в протокол?

Мистер Гарднер, сухопарый, аскетического вида господин в очках со старомодной оправой, но при этом – с длинной щеголеватой прической, взмахнул рукой и произнес:

– Право же, сэр Джон, причем тут я? Нет, я не хочу заявлять никакого официального протеста. Но ваша секретарь может записать, что все это смехотворно.

– Что же может быть смехотворного в барабанном шоу?

– И вы еще спрашиваете?! Если уж вы не способны понять очевидного, сэр Джон... Остается добавить, что в таком случае вы идеально подходите на роль нашего председателя.

Томасу казалось, что сейчас по залу пробежит сдавленный смешок, но все обескураженно промолчали.

– Мистер Гарднер... – сэр Джон облокотился о стол, сложив ладони остроконечной пирамидкой. – В мои намерения, например, не входило обсуждать ваши недавние идеи по оформлению павильона, но, может, все-таки стоит?

– Это всего лишь идеи, – с вызовом парировал Гарднер.

– Позвольте напомнить вам, господа, что Всемирная выставка в Брюсселе открывается через три месяца. Строительство павильона уже отстает по графику на несколько недель. Так что – не поздновато ли подкидывать всякие идеи сомнительного свойства? Например, ваша идея, мистер Гарднер, связанная с... – сэр Джон сверился со своими записями, – ...связанная с историей британского ватерклозета.

– И чем же вам не угодила моя идея?

– Ваша идея, как бы это выразиться по деликатнее... она несколько причудлива.

– Не стоит утруждать себя в деликатностях, сэр Джон, если вы чувствуете, что совершаете над собой усилие. В конце концов, все мы тут – коллеги.

– Хорошо, я позволю себе перефразировать свой комментарий. Ваша идея представляется мне... откровенно глупой и оскорбительной.

Некоторые из сидящих ближе (представительниц женского пола в зале не было, за исключением секретарши) с интересом навестили уши.

– Позвольте не согласиться с вами, сэр Джон, – отвечал Гарднер. – Вклад королевства Великобритании в дело отработки жизнедеятельности человека до сих пор не был оценен по достоинству. И это не мое личное мнение – это исторический факт.

– Гарднер, хватить молоть чепуху.

– Но позвольте... – смущенно закашлявшись, в разговор вмешался бледный, тщедушный юноша, сидящий слева от Гарднера (очевидно, член его команды). – Это не совсем так, сэр Джон.

Генеральный комиссар удивленно вскинул брови:

– Ах, не совсем так?

Юноша засмущался пуще прежнего, но продолжил:

– Дело в том, что Джим, то есть мистер Гарднер, говорит совершенно очевидные вещи. Туалеты являются неотъемлемой частью нашей каждодневной жизни. Я хочу сказать, что ведь все мы пользуемся... все мы... – юноша нервно сглотнул, – ...делаем это.

– Да что мы такого делаем, мистер Сайкс?

– Зачем притворяться, будто мы этого не делаем?

– О чем вы вообще говорите?

– Ну... Мы все справляем нужду.

– Что?!!

– Вот именно! – Гарднер вскочил на ноги и возбужденно заходил вокруг стола. – Сайкс совершенно верно заметил. Мы все делаем это, уважаемый сэр Джон! Включая также и вас! Мы все справляем нужду, разве нет? Конечно, мы предпочитаем умалчивать об этом, мы даже отмахиваемся от самой мысли об этом! Но много лет назад нашелся человек, который сел и задумался, он сидел и думал, сидел и думал, и его интеллектуальные – уж простите – потуги увенчались успехом! И сегодня все мы имеем возможность делать это в чистоте, не подвергая себя конфузу. В результате чего вся нация, да что там говорить – весь мир стал более пригодным для жизни. Это ли не повод для гордости?! Потому что британцы, помимо того, что покорили полмира, одержали еще одну важную историческую победу – победу над своим нутром!

Гарднер, наконец, сел на место. Сэр Джон окинул его холодным взглядом:

– Вы закончили, Гарднер?

Приняв молчание за знак согласия, сэр Джон продолжил:

– Позвольте напомнить вам, что при входе в павильон, в котором вы предлагаете разместить столь нелицеприятный экспонат, – при входе на самом почетном месте посетители будут лицезреть портрет Ее Величества.

Потянувшись вперед, Гарднер заметил:

– Хочу напомнить вам, сэр Джон, что даже Ее Величество, даже Ее Королевское Величество!..

Сэр Джон гневно привстал со своего места:

– Гарднер, если вы сейчас посмеете продолжить, я тотчас же попрошу вас покинуть этот зал!

Взгляды двух спорщиков схлестнулись, в зале повисла напряженная тишина. Когда стало очевидно, что мистер Гарднер не изволит «продолжить», сэр Джон медленно опустился в свое кресло.

– Итак, – произнес он, – надеюсь, вы раз и навсегда распрощаетесь с этой вопиющей идеей и займетесь составлением выставки, которая во всей своей полноте выразит не только честь и славу, но и достоинство нации, проживающей на Британских островах. Ясно?

Все еще красный от досады, не оставляя возможности оппоненту вставить хоть слово, сэр Джон быстро перевернул страницу и машинально произнес текст следующего пункта:

– Далее – проект ZETA. Транспортировка экспоната – копии Британской...

– Гм!.. – предупреждающе кашлянул кто-то.

Сэр Джон оторвался от текста, ища взглядом предупреждающего. Им оказался лунолицый, один из таинственных господ, привлечших внимание Томаса. Луннолицый незаметно поднес палец к губам и укоризненно покачал головой. Странно, но сэр Джон мгновенно сориентировался и с наигранным равнодушием перевернул страницу, текстом вниз:

– Ну да, разумеется. Не самый важный пункт в нашей повестке. Оставим это на потом, у нас есть более насущные вопросы, а именно... Да, конечно же! Паб, знаменитый английский паб!

Черты комиссара разгладились, и он стал всматриваться в присутствующих:

– К нашей команде присоединился еще один человек. Мистер Фолей здесь или нет?

Томас полупривстал со своего места, но потом застеснялся и сел обратно.

– Да, это я, сэр... сэр Джон, – еле выдавил он. Голос его прозвучал тихо и неуверенно.

– Что ж, прекрасно...

Снова возникла долгая выжидательная пауза. Когда стало очевидно, что Томас так и будет продолжать молчать, сэр Джон произнес:

– Мы все хотели бы услышать ваши соображения по поводу данного проекта.

– Да-да, разумеется.

Взгляды самых знаменитых людей сейчас были устремлены только на него. Томас нервно сглотнул и начал говорить:

– Как вам, наверное, уже известно, «Британия» должна стать своего рода точкой притяжения нашего павильона. Изначальной идеей было, как вам, наверное, уже известно... – (Господи, зачем он так повторяется?) – ...было воссоздание староанглийской гостиницы, чтобы продемонстрировать гостям наше традиционное британское гостеприимство. Однако наш план подвергся корректировке, и это объясняется двумя важнейшими факторами. Во-первых, бельгийцы отстраивают на территории выставки реконструкцию деревни под названием «La Belgique Joyeuse», что переводится примерно как «Веселая Бельгия». Их реконструкция будет включать в себя дома в стиле восемнадцатого века и даже более раннего периода, а также традиционную старобельгийскую гостиницу. Во-вторых... эээ... Центральное управление информации, да и, как мне кажется, сам мистер Гарднер, хотя я не возьму на себя смелость высказываться от его имени... Но мне кажется, что все мы озабочены – при всем уважении к нашим великим традициям – озабочены тем, что не хотим выглядеть отсталыми и устремленными в прошлое. Именно поэтому перед создателями «Британии» была поставлена задача: найти современные подходы. В конце концов, мы – современная страна. Мы находимся на передовой линии в сфере инноваций, науки и технологий, – прежняя уверенность вернулась к Томасу, и он уже говорил с упоением. – Но при этом сила наша состоит в том, чтобы, двигаясь вперед, не порывать связи с традициями прошлого. Именно этот парадокс и попытались воплотить наши дизайнеры, разрабатывая интерьер «Британии».

На этом месте его мягко оборвали:

– Но глядя на эти фотографии, – изрек один из самых престарелых членов комитета, сидевший справа от Томаса, – я ловлю себя на мысли, что представляю себе английскую гостиницу совсем по-другому. Нет, совсем по-другому.

Говорящий с сомнением покачал головой, перебирая черно-белые фото.

– Ну, в самом деле: а где же лошадиная сбруя с медными бляхами? Где деревянные балки на потолке? Где пена, стекающая по бокам оловянной кружки, с верхом наполненной элем?

– Ничего этого как раз не нужно, – ответил Томас. – Наша «Британия» отстраивается на живописном клочке земли, с видом на искусственное озеро. Мы хотели бы, чтобы она больше походила на морской клуб, если хотите. Высокие окна, белые стены... Светлое, просторное помещение, где много воздуха и легко дышится. В этом и состоит современный подход, понимаете? Ведь мы живем в современном мире! На дворе – 1958 год! Наша страна должна показать свое новое лицо всему миру на этой выставке. Ведь надо всем будет возвышаться «Атомиум» – и мы должны принять этот вызов.

Сэр Джон слушал Томаса с возрастающим интересом. Когда тот закончил, он одобрительно кивнул:

– Великолепно сформулированная концепция, мистер Фолей. Вы совершенно правы. Британия должна найти свое место в новой реальности современного мира. И мы обязаны доказать другим странам, что способны сделать это, не прибегая к разного рода модной чепухе из ряда «конкретных музы?к». И, на мой взгляд, интерьерные эскизы мистера Лонсдейла просто восхитительны. Да, совершенно восхитительны. Вы, насколько я понимаю, будете постоянно находиться в «Британии» и присматривать за процессом?

– Совершенно верно, сэр.

И тут краем глаза Томас отметил про себя, как два таинственных господина переглянулись.

– Пивоварня наняла для нас отдельного управляющего и обслуживающий персонал. А я буду находиться там как представитель ЦУИ. Хочу убедиться, что все будет сделано по высшему разряду, так сказать.

– Прекрасно. Вы уже были на объекте?

– Я вылетаю туда в четверг для ознакомительного визита, сэр.

– Отлично. Желаем вам со всей британской сердечностью успехов на этом поприще, мистер Фолей. Уверен, что мы – вы и я – не единожды пообщаемся в Брюсселе.

Томас учтиво склонил голову перед председателем – то был сдержанный, преисполненный достоинства полупоклон, за которым трудно было угадать, что докладчик проживает сейчас минуты неопишемого триумфа.

Мы просто составляем картинку

Стоя под фонарями на мокрой мостовой возле здания Министерства иностранных дел, Томас медлил, раздумывая, каким же маршрутом отправиться домой, как вдруг услышал за спиной:

– Блистательная речь, мистер Фолей.

– Истинно так. Просто супер.

Томас обернулся. Он никак не думал, что кто-то будет ждать его под дождем. Две фигуры в одинаковых длинных бежевых плащах и одинаковых фетровых шляпах отделились от темноты и вышли на свет. Томас даже не удивился, узнав в незнакомцах тех самых таинственных господ, промолчавших все заседание.

– Преперзкая погодка, а? – завязал разговор первый.

– Жуть, – согласился Томас.

– Вы не возражаете, если мы с вами прогуляемся? – спросил второй.

– Нет, конечно. Вам в какую сторону?

– Ну, это вам решать.

– Нам-то без разницы.

– Понятно, – сказал Томас, на самом деле все меньше понимая, что происходит. – Только я еще не решил, в какую сторону идти.

– А знаете что... – первый взмахнул рукой, и, словно ниоткуда, возле тротуара возник черный «Остин Кембридж». – Давайте-ка мы вас подкинем до дома.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны, – сказал Томас. – Но стоит ли беспокоиться?

– Еще как стоит, приятель.

– Нам это только в радость.

Втроем они с трудом втиснулись на заднее сиденье. Томас оказался посередине, зажатый с двух сторон. Было так тесно, что он даже не мог пошевелить руками.

– Куда едем на этот раз, господа? – поинтересовался водитель.

– В сторону Тутинга, пожалуйста, – сказал первый, словно в Тутинге жил не Томас, а он сам. Поймав изумленный взгляд Томаса, первый извинительно произнес:

– Ну, ладно. Если не хотите домой, говорите, куда вас везти.

– Нет, нет, домой, – спохватился Томас.

– А, то-то же... плохо ведь, когда женушка беспокоится?

– Небось на плите все кипит и булькает. Вкуснятина.

– Вот оно – счастье.

– Сигаретку, мистер Фолей?

Все трое закурили. Потом луннолицый сказал:

– Ну, давайте, что ли, знакомиться. Меня зовут Уэйн.

– Как кинозвезду, – уточнил второй. – Прямо смешно, правда? Он и ковбойская шляпа.

– А это – мистер Редфорд, – представил второго мистер Уэйн.

– В тесноте да не в обиде.

Мистер Редфорд с трудом протиснул руку для горячего рукопожатия:

– Рады с вами познакомиться.

– Так вы оба – члены Брюссельского комитета? – поинтересовался Томас.

Двое из ларца хмыкнули.

– О, конечно, нет.

– Упаси боже.

– Даже близко не так, приятель. Но очень, так сказать, интересуемся. На почтительном расстоянии.

– И уже тихо поприисутствовали на нескольких заседаниях.

– Некоторых даже знаем, как родных.

– Этот мистер Гарднер – тот еще субчик, как думаете?

– Чистый лис в курятнике.

– Хотя и надежный человек.

– Абсолютно. Соль земли.

– Твердый, как скала. В глубине души, то есть.

Потом оба господина замолчали. Мистер Редфорд опустил было стекло, чтобы стряхивать пепел с сигареты на улицу, но дождь и ветер ударили в лицо, и он быстро отказался от своей идеи. Пробок на дороге уже не было, и машина быстро продвигалась по маршруту – уже через несколько минут они оказались на Клэпхэм Хай-стрит. Когда «Кембридж» остановился на красный свет, мистер Уэйн посмотрел в окно и сказал:

– Мистер Редфорд, а, мистер Редфорд: уж не та ли это кофейня, в которую мы забегали пару дней назад?

– Похоже на то, – отвечивал мистер Редфорд, вглядываясь в пелену дождя.

– А знаешь что – так захотелось выпить чашечку кофе.

– Аналогично.

– Что скажете, Фолей?

– Не хотите опрокинуть с нами по чашечке кофе?

– Но я... Мне бы хотелось успеть домой к...

– Вот и договорились. Водитель! Остановите вот здесь, пожалуйста.

– Подождите нас за углом, если не затруднит.

– Мы мигом.

Все трое пассажиров вылезли из машины и поспешили по мокрому, мерцающему тротуару в сторону вывески «Кофейня Марио».

Заведение было маленькое, всего на несколько столиков. И ни одного посетителя. Скучающая официантка стояла за барной стойкой и, чтобы хоть как-то убить время, делала себе зеленый маникюр.

– Мне, пожалуйста, кофе, – вежливо, но строго сказал мистер Уэйн. – Со сливками. И два сахара.

– Мне тоже и так же, – подключился мистер Редфорд. – Фолей, что будете заказывать?

– Я вообще-то не большой любитель кофе, – проговорил Томас.

– Три кофе со сливками. И трижды два сахара, – заключил мистер Уэйн.

– И организуйте, чтобы со взбитой пенкой, плиз, – сказал Редфорд. – Ну, как у итальянцев.

– Мы хоть и живем на островах, но такая же Европа, я считаю, – заметил мистер Уэйн, присаживаясь за столик.

– Действительно, – согласился мистер Редфорд, стряхивая с плаща дождевые капли. – Все европейские нации нынче снова собираются вместе.

– Римский договор и все такое.

– И, если уж на то пошло, Брюссельская выставка – все о том же.

– Точно. Вот так и делается история.

– Прямо чувствуем сопричастность.

– Что скажете, Фолей?

– В каком смысле?

– Ну, что вы думаете про всю эту брюссельскую байдую? ЭКСПО-58 и все такое? Вы осознаете этот огромный исторический шанс, когда все страны мира соберутся вместе, впервые после войны? Чтобы возродить дух мирного сотрудничества и все такое?

– А может, на самом деле – это просто такая грязная торговля? Идеализм отдыхает, силы капитализма правят бал?

Все эти вопросы посыпались на Томаса, хотя он толком даже не успел устроиться за столом. Даже после такой короткой пробежки он насквозь промок, чувствуя, как от одежды идет пар.

– Но я... Прежде чем выбрать одно из двух, следует хорошенько поразмыслить.

– Отличный ответ, – одобрительно крякнул мистер Уэйн.

– Устами дипломата...

Подошла официантка и поставила на стол сахарницу.

– Кофе будет через минуту. Кофемашина барахлит, никак не можем раскочегарить.

Возвращаясь к барной стойке, она опустила пару монет в музыкальный автомат, и через несколько секунд воздух в кофейне взорвался громкой ритмичной музыкой. Солировали ударники, которым подыгрывала гитара парой-тройкой блатных аккордов. Мужской хрипатый голос полупел-полуорал что-то про поезд, несущийся через расстояния со скоростью ветра, бум-бум-бум. Мистер Уэйн заткнул уши:

– О, боже.

– Чистая какофония!

– Что это?

– По-моему, это рок-н-ролл, – сказал мистер Редфорд.

– А по-моему, это стиль скифл[7 - Скифл – английский популярный музыкальный стиль, введенный певцом и музыкантом Лонни Донеганом в середине 1950-х.], – предположил Томас.

– Ну-ну, – удивился мистер Уэйн. – Кто бы мог подумать, что вы разбираетесь в музыкальных течениях.

– Я? Нет, что вы. Просто моя жена часто слушает подобные композиции. Я предпочитаю классику.

– Ну, конечно же! Классика. Что может сравниться с классикой! Я полагаю, вы любите Чайковского?

– Еще бы. Кто не любит Чайковского?

– А если пройтись по современным именам? Например, Стравинский?

– О, да. Он прекрасен.

– Шостакович?

– Шостаковича я мало слышал.

– Прокофьев?

Томас одобрительно кивнул, сам не зная зачем. Он вообще не понимал, с какой стати он им сдался со своими предпочтениями в классической музыке.

Официантка принесла кофе. Все трое положили сахар, размешали, сделали по маленькому глотку.

– С другой стороны, – продолжил мистер Редфорд, – большинство предпочитают музыке чтение книг.

– О да, прилечь на диван да с хорошей книгой, – согласился мистер Уэйн.

– Вы много читаете?

– Можно сказать и так. Но хотелось бы посвящать книгам еще больше времени.

– Достоевского знаете? Многие просто помешаны на Достоевском.

– А как вам Толстой?

– Боюсь, что в литературе я – абсолютный провинциал. Люблю Диккенса, Вудхауса – я на нем отдыхаю душой. Простите, но к чему весь этот разговор? Вы все время расспрашиваете меня то про русских композиторов, то про русских писателей...

– Мы просто составляем картинку.

– Хотим знать о ваших предпочтениях и не-предпочтениях.

– Собственно, мне пора домой. Меня жена ждет.

– Конечно, старина. Мы понимаем.

– Полагаю, в ближайшие месяцы вы постараетесь почаще навещать ее?

Томас нахмурился:

– Почему вы спрашиваете?

– Вы ведь отправляетесь в Брюссель один, не так ли?

– Ну, да.

– Шесть месяцев – это большой срок. Вдали от домашнего уюта.

– И всех остальных прелестей семейной жизни.

– Если только, конечно, вам нравится быть семейным человеком.

– Потому что, знаете ли, такая жизнь не для всех. Вот некоторые женятся, но им этого не надо.

- Потому что их интересы лежат за пределами семьи.
- Простите, но, по-моему, это грязная тема.
- Еще какая грязная.
- Вот, например, был у меня один знакомый. Он был женат уже лет как десять. Трое детей. А домой почти не приходил. Предпочитал ошиваться в мужском общественном туалете на углу Гайд-парка.
- Какая гадостная жизнь у этого вашего приятеля.
- Еще бы не гадостная. Так вы в курсе?
- В курсе чего? - не понял Томас.
- Что есть такой туалет.

Томас покачал головой:

- Да нет.
- И правильно. Держитесь подальше от этого места.
- Обходите за сто километров.
- Слушайте, вы на что намекаете? Вы думаете, что я гомосексуалист? - Томас залился пунцовой краской негодования.

Мистер Уэйн расхохотался, как будто ему рассказали хороший анекдот:

- Дружище, с чего вы взяли?!
- Что за странное предположение!

– Нам бы и в голову такое не пришло.

– Ничего даже близкого на эту тему.

– Какой же из вас гомосексуалист? Еще скажите, что вы – коммунист.

– Ну, хорошо, – сказал Томас, немного поостыв. – Просто это из ряда непозволительных шуток.

– Не могу не согласиться с вами, старина.

– Кстати, – вставил мистер Редфорд, – вы точно не коммунист?

– Нет, конечно. Я вообще не понимаю, что вам от меня нужно.

Мистер Уэйн сделал еще один маленький глоток, а потом вытащил карманные часы и щелкнул крышкой, взглянув на время.

– Ой-ей, Фолей, что-то мы с вами совсем заболтались. А вы не беспокойтесь. И вы, и я, и мистер Редфорд – мы играем в одной команде.

– С одной битой на всех.

– Просто вся эта брюссельская байда... В принципе, идея хорошая, но небезопасная.

– В каком смысле?

– Ну, посудите сами. Столько стран соберется в одной точке, да еще на целых полгода. Теоретически идея гениальная, но не стоит забывать о сопутствующих рисках.

– О каких еще рисках?

– Вы же сами сказали сегодня на совещании.

- Что я такого сказал?
- Ну, что мы живем в современном мире. И что наука способна творить чудеса.
- Только не забывают, что наука – это улица с двусторонним движением.
- Обоюдоострый меч.
- Именно. Мы все должны быть начеку. За все должна быть заплачена своя цена.

С этими словами мистер Уэйн встал и протянул Томасу руку:

- Ну, до свидания, Фолей. Или уж скорее – au revoir.

Томас и мистер Редфорд тоже поднялись со своих мест. Все трое обменялись неуклюжими рукопожатиями.

- Тут, кажется, ходит автобус до вашего дома? – произнес мистер Редфорд. – А то в Тутинг нам не совсем чтобы по дороге.

- Да, я понимаю, – пробормотал Томас, окончательно сбитый с толку.

- Не будем вас больше задерживать. Идите домой. Вас ждет ужин.

- Вас ждет семья.

- За кофе не беспокойтесь. Все за наш счет.

- Сегодня мы угощаем.

- Скромная лепта за удовольствие побеседовать.

Томас невнятно поблагодарил своих «угостителей» и направился к выходу.

Дождь за окном лил еще сильнее. Томас поднял воротник пальто и поежился. Он уже открыл дверь, он уже почувствовал порывы ветра, и капли забарабанили ему в лицо, как вдруг его окликнул мистер Редфорд:

– Кстати, Фолей.

Томас обернулся:

– Да?

– На всякий случай. Этого разговора никогда не было.

«Велком Теруг»

Войдя поздним утром четверга в скромный зал прибытий аэропорта Мельсбрек, Томас поискал глазами человека, который мог бы оказаться работником Британского совета Дэвидом Картером – имелась предварительная договоренность, что именно он встретит Томаса. Но никаких господ представительной внешности в зале не наблюдалось. Зато от небольшой толпы встречающих отделилась симпатичная девушка в униформе.

– Вы мистер Фолей? – сказала она, протягивая руку. – Меня зовут Аннеке, и я отвезу вас в британский павильон. Пойдемте со мной.

Не дожидаясь ответа, она сразу направилась к ближнему выходу. Немного замедлившись, Томас последовал за ней.

– А я думал, что меня заберет мистер Картер. Но вместо него – такой приятный сюрприз.

Аннеке одарила его теплохладной улыбкой – все строго по протоколу:

– Мистер Картер занят. Но он ждет вас на месте.

Униформа на Аннеке была лишена малейшего намека на сексапильность. Туфли на высоких каблуках, но высоких в меру, синяя юбка ниже колен, элегантного покроя темно-бордовый пиджак, из-под которого выглядывала белая рубашка с аккуратным воротничком, и галстук. Комплект завершала умеренно кокетливая шляпа-таблетка. Униформа была безупречной, но Томас был несколько разочарован. С этой милой девушкой было бы гораздо проще общаться, если бы на ней была обычная одежда.

– Так вот они какие, знаменитые хостес ЭКСПО-58.

– Неужели знаменитые? Даже в Англии? Обязательно поделюсь этой новостью со своими коллегами. Они будут польщены.

Томас представил себе группу таких юных хостес, двадцати с небольшим лет от роду: вот они сидят стайкой в каком-нибудь брюссельском кафе во время обеденного перерыва и хихикают, обсуждая вновь прибывшую английскую псевдознаменитость. На их фоне Томас чувствовал себя просто древним ископаемым.

Они вышли на улицу, сощурившись на солнышке, уже по-весеннему теплом. Аннеке остановилась в замешательстве, поглядывая по сторонам:

– Наша машина где-то здесь. Пойду, поищу.

Оставшись один, Томас попытался проникнуться торжественностью момента: наконец-то он в Бельгии, на земле предков. Целую неделю он представлял себе, как это случится. Но вдруг ему стало смешно. И что такого? Ну прилетел, ну в Бельгию. Наивно думать, что в нем сразу забурлит фламандская кровь. Все произошло с точностью до наоборот: именно здесь и сейчас Томас почувствовал себя британцем до мозга костей.

Подъехала машина, «Ситроен» бледно-зеленого цвета: на дверце со стороны водителя красовался логотип ЭКСПО-58 в виде своеобразной звезды. Аннеке вышла из машины и открыла для Томаса заднюю дверь. Через минуту они уже мчались в сторону плато Хейсель.

– Это недалеко, двадцать минут езды отсюда, – пообещала Аннеке.

– Прекрасно. А мы не будем, случаем, проезжать Левен?

– Левен? – удивленно переспросила Аннеке. – Это недалеко отсюда, но в другую сторону. А вы хотели бы туда заехать?

– Ну, тогда не сегодня. В другой раз. Моя мать родом оттуда. Дедушка держал там большое хозяйство.

– О, так ваша мать – бельгийка! Вы говорите на языке?

– Совсем немного.

– Ну что ж, тогда, как говорится, Welkom terug[8 - Добро пожаловать (нидерл.)], мистер Фолей.

– Dankuwel, dat is vriendelijk[9 - Дружеское спасибо (нидерл.)], — осторожно подбирая слова, ответил Томас.

Аннеке весело рассмеялась:

– Goed zo![10 - Молодец! (нидерл.)] Ну ладно, не буду вас больше мучить.

Эта краткая беседа растопила лед между ними, и теперь они легко болтали о том, о сем. Аннеке рассказала, что родилась в Лондерзееле, небольшом городке северо-восточнее Брюсселя и до сих пор живет там вместе с родителями. Ей повезло – она оказалась в числе других двухсот восьмидесяти девушек, прошедших конкурс на должность хостес. Среди обязательных условий было владение французским, датским, немецким и английским языками. Все хостес сейчас курсируют по разным точкам – кто в порт, кто на вокзал или в аэропорт. Все встречают зарубежных гостей (а их будут тысячи) и препровождают их до выставки. Хостес на ЭКСПО-58 – это как послы мира, поэтому они должны соблюдать строгий протокол поведения: никакого жевания жвачки, и не дай бог присесть где-нибудь с вязанием в уголке, даже если выпадет свободная минутка. Запрещено курить, принимать алкоголь, читать постороннюю литературу, не относящуюся к тематике выставки.

– Более того, – прибавила Аннеке, – на территории выставки мне запрещено появляться в компании мужчины, если на то нет письменного распоряжения начальства. К счастью, наше теперешнее общение просто входит в мои обязанности.

Аннеке снова улыбнулась, на этот раз – совершенно искренне, и Томас поймал себя на мысли, что она очень хорошенькая.

Вдруг Аннеке тронула его за плечо и воскликнула, указывая куда-то вперед:

– Смотрите? Вон туда. Видите?

Чуть вдали густо стояли ряды деревьев, а над ними возвышалось какое-то сооружение. Томасу удалось разглядеть лишь фрагмент огромного серебристого шара. Когда машина подъехала ближе к плато, немного сменив угол движения, появились еще три шара – они были соединены друг с другом металлическими трубами, которые сверкали и переливались на солнце. Вся конструкция еще не появилась во всей своей красе, но Томас уже был охвачен чувством встречи с огромным, великим и эпическим, словно чья-то всемогущая рука перенесла нечто, что возможно увидеть только в фантастическом кино, – прямо сюда, на плато Хейсель.

– Это и есть Атомиум, – с гордостью произнесла Аннеке. – Когда мы въедем в парк, сможем получше его разглядеть.

Она потянулась вперед к водителю и заговорила на французском.

– Я попросила сразу подвезти нас к британскому павильону. Думаю, вам не терпится взглянуть на него.

Скоро машина остановилась у широких ворот, возле которых по кругу было установлено несколько десятков флагштоков – правда, ни один из флагов еще не был натянут. Рядом стоял не до конца оформленный щит, на котором, впрочем, уже можно было прочитать: «Porte des Nations» – Ворота наций. Улыбчивый охранник, явно знакомый с водителем, бодрым жестом махнул, чтобы тот проезжал. И вот уже «Ситроен» медленно, со скоростью десять километров в час, двигался по трехполосной дороге, называемой Avenue des Nations – проспект Наций.

Быстрее ехать было невозможно, потому что дорогу запрудила техника, снующая туда-сюда. На территории стоял грохот и лязг стройки: повсюду грузовики, краны, здания, еще одетые в леса, груды кирпича, бетонных блоков. Неподалеку, перетаскивая какие-то деревянные балки, ползали, как муравьи, рабочие в смешных шапочках из носовых платков с завязанными узелком краями. Никогда прежде Томас не видел такой бурной деятельности, сосредоточенной внутри небольшого пространства. Отовсюду, на самых мыслимых и немыслимых языках, раздавались подбадривающие крики, начальственные команды, это было настоящее вавилонское столпотворение. Только немного придя в себя от дикого гвалта, Томас стал понемногу выделять отдельные детали. Особенно его внимание привлекло здание слева – воистину впечатляющая диорама из стали, стекла и бетона диаметром больше ста метров. К зданию вела широкая дорога, по обе стороны окаймленная флагштоками. По размаху данное сооружение можно было сравнить разве что с Колоссом Родосским, но в современном исполнении.

– Это и есть американский павильон, – пояснила Аннеке. – А вот там, совсем неподалеку, советский. Что весьма импонирует нашему бельгийскому чувству юмора.

И действительно – советский павильон резко контрастировал с американским. В нем был все тот же размах, но простота и героическое изящество его архитектурного замысла как бы подчеркивали вульгарность и чванство американской постройки. Павильон представлял собой огромный куб из стали и стекла, который тянулся ввысь, к самому небу. Томас выглянул из окна, задрал голову вверх и изумляясь. Стены павильона были выполнены из гофрированного стекла, создавая, несмотря на огромность сооружения, впечатление легкости и воздушности. Очевидно, замысел был таков: опровергнуть представление западного мира о Советах как о закрытой стране.

Потом они свернули налево, на небольшую аллею, и миновали еще один павильон. И хотя он был не столь впечатляющ по размерам, Томас нашел, что он гораздо красивее двух предыдущих: не такой гнетущий, с более плавными линиями, выполненный в более ясных и простых архитектурных традициях. Похоже, Аннеке думала так же:

– Пока что – это самый мой любимый павильон, – сказала она. – Это Чехословакия. Не терпится туда попасть, когда все будет готово.

Они опять свернули налево, вырвав на Avenue de l'Atomium – проспект Атомиум. Наконец Томас увидел Атомиум во всей его сияющей, космической красоте. Чем ближе они подъезжали, тем выше и громадней тот становился, словно вырастал из земли прямо у них на глазах, достигая необъятных размеров. У Томаса захватило дух: только теперь он понял, в каком событии ему предстоит участвовать. Еще в воскресенье он торчал в Тутинге, разливал шерри по бокалам своих дам, Сильвии и матери, чтобы приступить к скучному семейному обеду. Уже тогда он начал отстраняться, мысленно готовясь к отъезду из этого сонного местечка, которое уже проспало не одно великое мировое событие. И вот теперь, каких-то четыре дня спустя, он, Томас, волею чудесных обстоятельств оказался в самом эпицентре таких событий! Ведь именно здесь соберется большое количество стран, со всеми их сложными взаимоотношениями, которые, то притягиваясь друг к другу, то отталкиваясь, формировали общую историю человечества. И в центре всего этого – огромная игрушка Атомиум, с его хитросплетением сфер – огромных, неподвластных тлену. И каждая из этих сфер была повестью о крошечном и таинственном атоме, который Человек только совсем недавно научился расщеплять, обрадовавшись такому открытию и одновременно устрасаясь его возможных последствий. Томас смотрел на Атомиум, и сердце его бешено колотилось.

Водитель решил сделать полный круг по аллее вокруг Атомиума, чтобы сидящие в машине могли поближе рассмотреть его.

– Ну как? Вам нравится, мистер Фолей? – спросила Аннеке.

– Я потрясен, – сказал Томас, высунувшись из окна. – Я просто влюбился!

Томас произнес эти слова и сам удивился. Что это с ним? Откуда это радостное возбуждение? Может, все дело вовсе не в Атомиуме, а... в Аннеке?

Томас поспешил как можно скорее отогнать от себя подобные мысли.

Они миновали павильоны Франции, Бразилии, Финляндии и Югославии, выполненные в модернистском стиле. Следом за ними расположился павильон Италии – итальянцы, похоже, решили плюнуть на модные тенденции, отстроив нечто в духе горной деревушки. Потом они проехали скандинавский павильон, турецкий и, наконец, израильский. Они пересекли уже целиком Южную Африку и даже Ближний Восток. У Томаса начало все путаться в голове, и он

почувствовал себя «обпутешествовавшим».

– А это что? – спросил вдруг он, когда они проезжали мимо очередного здания в стиле модерн: полукруглой формы павильон, сложенный из блестящих металлических блоков, войти в который можно было, ступив на бегущий вверх и упрятанный в стеклянный туннель эскалатор.

– Это одна из важных составляющих нашей экспозиции, посвященная Бельгийскому Конго и Руанда-Урунди. С другой стороны здания – фрагмент тропического леса с деревушкой. Все как в реальной жизни – с маленькими хижинами, с крышами, крытыми соломой. Устроители даже собираются привезти сюда аборигенов, чтобы они там жили. Ух, мне так интересно на них посмотреть! Я в жизни не видела чернокожих людей, только на фотографиях. Мне кажется, это будет очень забавно.

Томас ничего не ответил, но его резанули эти слова. На улицах Лондона нынче появилось много африканцев, и некоторых из его знакомых это бесило (вспомнить хотя бы недавний жаркий спор с Трейсперселем). Но Томас был свободен от расовых предрассудков, чем и гордился. И если Аннеке ничего не перепутала, тогда ее начальство совершает огромную ошибку.

Может, Томас и высказался бы на этот счет, но машина завернула за угол, и он увидел то, что невозможно было не узнать – павильон Джеймса Гарднера. В реальной жизни он оказался еще более причудливым, чем на фотографиях. Составленный из треугольных секций, с направленными вверх острыми углами, павильон гляделся очень динамично и даже по-модернистски. Но, в то же время, в нем было некоторое сходство с собором, с чередой устремленных в небо церковных шпилей. Машина остановилась у входа. Томас глядел в окно, и на душе у него теплело. Он словно вернулся домой.

Аннеке вышла из машины и открыла перед Томасом дверь. Но вместо того, чтобы повести его к главному входу, возле которого кипела работа (рабочие, взобравшись на высокие стремянки, вставляли оконные пролеты), они нырнули за угол и прошли через небольшую березовую посадку. В этом закутке он увидел искусственное озеро, окруженное рядом небольших построек. А чуть в стороне – нелепый, как и вся остальная разномастная вселенная в миниатюре, через которую Томас умудрился проехать за какие-то полчаса, – виднелся дощатый дом с вывеской по верху фасада: «БРИТАНИЯ».

– Мистер Фолей?

Из «Британии» вышел и спешно спустился по лестнице молодой человек в белом льняном костюме. Его акцент не оставлял сомнения в том, что это – англичанин.

Незнакомец подошел и поприветствовал Томаса крепким рукопожатием:

– Я – Картер. Ради бога, простите, что не смог встретить вас в аэропорту.

– Даже не беспокойтесь. За мной очень хорошо присмотрели.

Польщенно улыбнувшись, Аннеке поздоровалась с мистером Картером, которого она тоже видела в первый раз, а потом обратилась к Томасу:

– Что ж, мне пора. Машина из Британского Совета приедет за вами в четыре и отвезет в аэропорт. Вас обязательно будет сопровождать хостес.

– Надеюсь, это будете вы? – порывисто спросил Томас.

Аннеке слегка отвернулась, пряча смущенную улыбку, а потом ответила:

– Я постараюсь.

Томас и мистер Картер зачарованно смотрели вслед уходящей девушке, пока та не исчезла за деревьями.

– Какова! – присвистнул мистер Картер. – Если мне не изменяет моя наблюдательность, вы произвели на нее неизгладимое впечатление.

– Разве? – удивился Томас. – Я даже и не собирался.

– Конечно, вы не собирались. Но это коварное место, ох и коварное! Разве вы не почувствовали? Если не держать себя в узде, можно здорово вляпаться.

Томас хотел было поинтересоваться, что изволит иметь в виду мистер Картер, но тот расхохотался и хлопнул его по спине:

– Пойдемте уже – проверите на себе, чем будет потчевать «Британия» своих гостей. Судя по вашему виду, вам просто необходимо пропустить рюмочку-другую.

На обогрев души

В пабе никого не было, и, может, оттого «Британия» казалась не такой уж тесной, какой представлялась снаружи. Также, к своему вящему удовлетворению, Томас отметил про себя, что все отделочные работы были почти закончены. Правда, некоторые стены еще оставались голыми. За барной стойкой трое рабочих возились, монтируя электрику, ну а в остальном «Британия» была практически готова к приему гостей. За последние несколько месяцев Томасу довелось пересмотреть множество чертежей, набросков и фотоотчетов о работе, и вот, наконец, он видел все это воочию. Да, сегодня и впрямь день хороших новостей.

Потому что «Британия» ему понравилась. Много света, высокие потолки. В зале на первом этаже три стены обиты понизу сосновой вагонкой, остальная часть – отделана белой штукатуркой. Четвертая стена просто состояла из кирпичной кладки. Пол – в черно-зеленую клетку. По одну сторону зала тянулась длинная барная стойка из дерева светлых и темных пород, увенчанная красной столешницей. Возле стойки примостились стулья на длинных ножках. Вдоль противоположной стены располагались староанглийские деревянные скамьи со стеклянными столами, и к каждому в дополнение были придвинуты стулья в черно-желтой гамме. На некоторых стенах уже висели морские пейзажи, также имелись стеклянные витрины с макетами кораблей, а с потолка, словно замерев в полете, свисала большая модель одноименного самолета «Британия».

Мистер Картер довольно хмыкнул:

– Ну как, нравится? Ох, и трудно же будет вам отогнать меня от этого места! Немножко Англии среди этой брюссельской скукотищи не помешает.

Потом он провел Томаса на второй этаж. Здесь располагались комнаты для частных приемов и небольшой бар для работников павильона. Пол в комнатах

был устлан коврами в черно-рыжих тонах, эргономичные стулья, черные кожаные кресла...

Но самое интересное оказалось на третьем этаже, выполненном в стиле выступающей палубы, обитой деревом, с поручнями, как на корабле, со спасательными кругами и углубленной в тень верандой. Отсюда открывался прекрасный вид на парк и уличное кафе. Очень скоро все это пространство заполнится посетителями, которые будут дефилировать от павильона Гарднера к павильону «Бритиш Индастриз» и обратно. Кто-то решит отдохнуть на улице, расположившись за столиками, под яркими круглыми тентами. Чуть дальше за деревьями мерцало искусственное озеро, на краю которого возвышалась металлическая мачта, гордо устремленная в небо – правда, не своей, а чужой державы.

Мистер Картер облокотился о поручни, засмотревшись на воду. Томас деловито походил вокруг, пощупал пилястры, а затем присоединился к Картеру.

– Вот развернулись, а? – откомментировал Картер, кивнув в сторону Avenue des Trembles – Осиновой аллеи, по которой сновали грузовики и множество строительной техники. – Ничего подобного в жизни не видел. Хотите сигаретку?

– Не откажусь.

Они закурили от одной спички.

– А некоторые все равно недовольны, – заметил Томас.

– Ой, и не говорите! Им бы только языком потрепать. Так что...

Картер душевно затаился и кинул взгляд на Томаса – он явно начал ему симпатизировать.

– Так, значит, ЦУИ прислало вас присматривать за нами?

– Что-то в этом роде. Хотя, по правде говоря, не вижу особого смысла. Пустая трата времени и денег – к тому же, боюсь, немалых.

- А вот это вы зря. Вы ведь еще не познакомились с хозяином заведения?
- Вы о мистере Росситере? Нет пока. Надеюсь, сегодня и познакомимся.
- Непременно. Он внизу, в винном погребе. Вот сейчас мы к нему и отправимся.
- Вы уже составили о нем какое-то мнение?
- Не хочется сразу наговаривать – увидите сами. Нет, но вы мне скажите, удовлетворите уж мое любопытство: почему они выбрали именно вас? Целых шесть месяцев проторчать в Бельгии, это же не шутка. Как там у вас принято – тянули жребий, и вам досталась самая короткая соломинка?
- Разве у меня нет повода радоваться?

Картер призадумался.

- Ну, скажу я вам – могло быть и хуже. Я вот лично работаю в Британском Совете уже десять лет, и куда меня только не кидали! Амман. Берген. Много куда... Но что до бельгийцев, самое ужасное в них – это их эксцентричность.

- Вы это серьезно?

- Эх, старина, скажу вам прямо: сюрреализм тут – норма из норм. Они просто все такие! А что до этого мероприятия, которое затянется на целых полгода, – приготовьтесь к полной шизе.

- Ну да, Аннеке тоже говорила что-то подобное. Поселить рядом американцев и русских – это такой бельгийский юмор...

- Да уж, – хмыкнул Картер, гася сигарету о поручень. – Главные сюрпризы еще впереди. Но точно вам говорю – эти два павильона, американский и советский, будут напичканы шпионами под самую завязку. Но пойдете – я познакомлю вас с нашим чумовым хозяином.

«Что ж, весьма интригующая характеристика», – подумал Томас и последовал вслед за мистером Картером. Они спустились на первый этаж, где в одной из

ниш за стойкой бара находился подвальный люк. Сейчас он был открыт: крутые деревянные ступени вели в просторное, ярко освещенное помещение, уставленное ровными рядами металлических лафетов. И сразу же Картер с Томасом стали свидетелями оживленной перебранки. Высокий чернявый француз во фланелевой рубашке, уже изрядно вспотевший от спора, что-то эмоционально доказывал крепкому, как пенек, коротышке. Тот стоял спиной к вошедшим, руки в бока, с красной от гнева шеей, затянутой в тугий воротник белой рубашки.

Томас достаточно разбирался в пивном деле, чтобы понять, из-за чего сыр-бор. Как он понял, чернявый француз был представителем компании, поставляющей лафеты. А коротышка сетовал на то, что механизм наклона никуда не годится, что он двигается рывками, отчего пивная масса в бочках будет взбалтываться. Томас знал, что в таком случае, во время подачи пива из краников бочки, напиток окажется мутным. Коротышка говорил: почему нельзя обойтись обыкновенными деревянными поддонами, а пиво подавать наверх через шланги? Но чернявый отвечал, что это – прошлый век. Коротышка не очень-то понимал, что ему втолковывают. В конце концов, терпение чернявого лопнуло, и он пошел прочь вверх по ступенькам, отпуская гневные комментарии и сопровождая их эмоциональной жестикуляцией.

Только тут хозяин «Британии» заметил гостей.

– Ох, добрый день, господа, – устало произнес он. – Эээ... bonsoir, mes amis. Comment... Чем могу быть вам полезен?

– Я Картер, – с вежливой улыбкой произнес Картер и протянул руку, чтобы поздороваться. – Я из Британского Совета. Мы с вами вчера встречались мимоходом.

– Ах, да, конечно, помню-помню, – отвечал Росситер, хотя по его лицу было видно, что в этой кутерьме он много о чем подзабывает.

– А это мистер Фолей, – сказал Картер. – Я вам вчера говорил о нем. Его также направили сюда по работе.

– А, прекрасно, прекрасно, – Росситер пожал руку Томасу. – Росситер, Теренс Росситер. Ага! – Росситер вдруг подхватил двумя пальцами кончик Томасова

галстука, пытаюсь рассмотреть его. – Знакомо, знакомо. Колледж Редли? Или Мальборо? Но это точно галстук учебного заведения, иначе мне придется признаться в том, что я полный болван.

– Вы совершенно правы, сэр. Это галстук школы Лезерхед.

– О, я все-таки промахнулся. Все-таки школа, а не колледж. И впрямь – что делать, например, выпускнику Редли, в пивном бизнесе? Но пойдемте наверх, господа, посмотрим, чем я смогу вас угостить по части утоления жажды.

Они устроились за стеклянным столиком на первом этаже. Мистер Росситер принес три однопинтовые бутылки светлого пива, рассыпаясь в извинениях за нехватку марок, действительно утоляющих жажду. Компания «Уитбред» создала новый бренд – специально для ЭКСПО. Крепкое, темное, горькое пиво под названием, естественно, «Британия». Но бочки еще не подвезли.

– Весь основной товар доставят за неделю до открытия, – пояснил Росситер. – Но я не знаю, как мы будем поднимать бочки в зал. Если честно, я ни черта не понял, что мне втолковывал этот лягушатник. Представляете, как усложняется ведение дел, когда имеешь дело с иностранцами!

– Этот бельгиец пытался донести до вас, – осмелился сказать Томас, – что деревянные поддоны – это прошлый век.

– Прошлый век? Да в моей «Голове Герцога» в Абингдоне – а я держал этот паб после войны без малого одиннадцать лет – я всегда пользовался деревянными поддонами, и посетители только спасибо говорили, какое хорошее было пиво!

Росситер сделал большой глоток из кружки, и на кончиках его рыжеватых усов повисла пена. Томас не мог не отметить про себя, что это были выдающиеся усы: они торчали строго горизонтально, и их не мешало бы укоротить. Удивительное дело – кончики усов не опускались даже под тяжестью пены и жили своей собственной жизнью, отдельной от лица Росситера, тоже весьма примечательного – усеянного багровыми точками лопнувших сосудов. Нос, впрочем, был не менее багров. В связи с чем напрашивалось умозаключение, что Росситер, всегда имея под рукой алкоголь, тесно сроднился со своей профессией.

– Если честно, – продолжил мистер Росситер, – эти бельгийцы ни черта не разбираются ни в пиве, ни во всем остальном. Точно вам говорю! Во время войны я чуть не потерял ногу, дело было в Эль-Аламейне[11 - Эль-Аламейне – город на севере Египта.], так я два года провалялся в тонбриджском[12 - Тонбридж – город на юго-востоке Англии.] госпитале. И вот что я вам скажу: там были два раненых бельгийца – оба куку. Абсолютно чокнутый народ!

– Но в том и состоит цель данной выставки, – вмешался мистер Картер, – чтобы представители самых разных наций, пообщавшись потесней, научились понимать друг друга.

– Чушь собачья, – отрезал Росситер. – Вы уж простите, я человек прямой, как вы уже могли заметить. И эти ваши идеи хороши только на бумажке. В реальной жизни ничего не выйдет. Через полгода мы все разъедемся по домам, так ни черта и не поняв друг о друге. Просто начальники, которые все это затеяли, огребут себе по несколько миллионов, ну и ладно, дай бог им счастья. Я и сам не прочь заработать денежку.

Картер изумленно посмотрел на Томаса, словно ища его поддержки.

– Но вы же понимаете, мистер Росситер, для чего я привел вам мистера Фолея...

– Отлично, что привели. Я могу поставить его за барную стойку. Пока что на это дело подписалась только моя племянница Рут. Я уже давно говорил ребятам из пивоварни, что мне позарез нужны люди. Спасибо, что хоть начали шевелиться.

– Нет, вы меня не совсем поняли, – настаивал Картер. – Мистер Фолей никакой не бармен. Он работает на ЦУИ.

– А это еще что такое?

– Центральное управление информации.

Росситер недоуменно посмотрел на обоих джентльменов:

– Я что-то не очень понял.

– Послушайте, – увещевательно заговорил Томас. – Это прекрасный паб. Но хотя он существует как отдельно взятое заведение, он также является частью британской экспозиции. Поэтому мое начальство посчитало необходимым – о чем и сообщило вам в своем письме, – что кто-то из нашего ведомства должен находиться тут на постоянной основе, чтобы... чтобы...

– Понятно, чтобы держать меня на коротком поводке, – флегматично заключил Росситер.

– Ну уж, я бы так не сказал...

Томас почувствовал себя неловко.

– То есть вы приехали вовсе не затем, чтобы помогать мне? Вы просто будете рыскать повсюду и заглядывать мне через плечо?..

– Мой отец держал паб, – сказал Томас. – И я много в чем разбираюсь. И с радостью помогу вам хоть в чем угодно.

Но слова эти никак не убедили Росситера, и он чувствовал себя очень расстроенным. И когда его гости допили свое пиво, он скрепя сердце провел небольшую экскурсию: показал кухню, где будет заправлять шеф мистер Дейтри, составляя меню традиционной английской кухни. Томас кинул взгляд на Картера: тот хитро улыбнулся и скрестил пальцы. Но мистер Росситер быстро сдулся и начал ворчать, что у него полно дел. Вскоре он спустился обратно в погреб – верно, поразмышлять о непостижимости бельгийской души, о лафетах и вздрагивающих наклонных механизмах.

– Пошел отогреться сердцем, – откомментировал Томас.

Они покинули паб и вышли на улицу.

– Так что вы предупреждены, – сказал Картер. – Думаю, что все будет хорошо, но не спускайте с него глаз. Иначе к девяти утра он на ногах не будет держаться. Тут законы полиберальней, и наш Росситер с радостью будет прикладываться к рюмке до глубокой ночи.

Остальная часть дня пронеслась незаметно. Картер свозил Томаса в Британский Совет, расположенный в самом центре Брюсселя. Они отобедали в корпоративном ресторане, обсуждая планы по организации небольшой вечеринки в честь открытия «Британии». Это мероприятие планировалось на второй день после начала выставки.

Потом за Томасом приехала машина (правда, без хостес), чтобы отвезти его в аэропорт. Томас немного загрустил, что не увидит Аннеке. Но когда он прибыл в аэропорт, за сорок пять минут до рейса, возле накопителя увидел Аннеке.

Они стояли и разговаривали, и голос ее дрожал, и еще она смущенно, как девчонка, переминалась с ноги на ногу, сцепив руки за спиной. Иногда Аннеке опускала голову, словно боясь взглянуть на Томаса. У нее были светло-зеленые глаза с медовыми крапинками, а когда она улыбалась – улыбка ее была ясной и открытой. От прежней официальной Аннеке осталась лишь ее униформа, которую по протоколу она должна была носить весь день. Потом объявили посадку, а Томасу все хотелось сказать ей что-то очень хорошее.

– Ну, надеюсь, мы еще пересечемся во время выставки, – сказала Аннеке.

– Да, конечно, я буду рад увидеть вас еще раз.

Но этих слов Томасу показалось недостаточно, и он добавил:

– Без этой униформы.

Аннеке смущенно зарделась.

– То есть... Я имел в виду... – пробормотал Томас. – Я уверен, что вам очень идут платья.

– Спасибо. Конечно же, я поняла, что вы не имеете в виду ничего такого, – успокоила его Аннеке, хотя румянец еще не схлынул с ее щек.

Они снова немножко помолчали, а потом, наконец, Аннеке воскликнула:

– Ой, вам надо спешить, а то на самолет опоздаете!

Они долго прощались и все никак не могли расцепить рук.

Наконец, уже стало действительно пора.

Томас прошел в зал на регистрацию и, не выдержав, обернулся. Аннеке стояла и махала ему рукой.

Подушечки от натоptyшей фирмы «Кэллоуэй»

Вернувшись домой, Томас тут же впал в радостное ожидание новой командировки в Брюссель и тем самым совершил большую ошибку. Сильвия почувствовала это и начала обижаться. Если прежде она радовалась за него и была согласна потерпеть эти несчастные полгода, то теперь она все чаще поджимала губы и грустила.

Прошло несколько недель. В субботу утром, за два дня до его отъезда, малышка Джил так надрывалась в плаче, что Томас едва не лез на стену. Сильвия срочно отправила мужа в аптеку Джексона. Казалось, что их ребенок буквально подсел на эту несчастную укропную воду! В аптеке была очередь, не меньше чем на десять минут. К своему неудовольствию, Томас увидел перед собой Нормана Спаркса, их соседа. Спаркс был холостяком, проживал вместе со своей сестрой и являлся в глазах Томаса вопиющим занудой. Когда Томас с Сильвией только переехали в Тутинг, Спаркс пригласил их на ужин. Сосед сразу не понравился Томасу, и он еле досидел до конца, зарекась ходить в гости к этому человеку. Ужин проходил в полной тишине. Молчала сестра Спаркса Джудит, пренебрежительная особа лет тридцати, да и ее братец тоже как в рот воды набрал. Потом, ровно в девять, Джудит отправилась спать, так и не дождавшись пудинга. Когда она покинула гостиную, Спаркс вдруг начал рассказывать про ее болячки, сетуя на то, что она почти не встает с постели. Эта чрезмерная откровенность окончательно оттолкнула Томаса от соседа, не говоря уж о том, что тот весь вечер пялился на Сильвию. Но Томас не любил конфликтовать с людьми, и поэтому надел на себя маску вежливости. Сталкиваясь со Спарксом на улице, он всегда здоровался с ним – «привет, Спаркс» – и даже мог переброситься с ним через забор парой фраз, если они вдруг оба одновременно выходили погреться на солнышке. Но Томас хорошо запомнил, как тот пожирал

взглядом его жену, и такого он уж точно простить не мог.

И на тебе – он встречает этого самого Спаркса в аптеке!

– Привет, Спаркс. Как поживает ваша бедная сестра?

– Не лучше, но и не хуже, – с готовностью подхватил беседу Спаркс. – Из новенького – у нее появились пролежни. Такие красные и мокрые. По всей, извините, ж... И вот уже две недели я растираю ее специальной мазью.

– В самом деле? – произнес Томас упавшим голосом. Весь ужас состоял в том, что вся очередь слышала этот разговор, так что нужно было срочно сворачивать тему. – Ну, вы-то сами отлично выглядите. Надеюсь, хоть с вами-то все в порядке?

– Это еще как посмотреть, – ответил Спаркс с трагической улыбкой. – Я – жертва натоптышей. Ноги, знаете ли. Ужасно неудачный размер обуви.

Томас посмотрел на обувь страдальца, чей размер не показался ему таким уж экстраординарным.

– Что вы говорите! – учтиво посочувствовал Томас.

– У меня размер с тремя четвертями, – прочувствованно объяснил Спаркс. – Восьмой с половиной мне мал, а девятый велик. Вот что с этим поделать? Я представляю из себя редкостный случай, – с гордостью добавил он.

– Понимаю. То жмет, то натирает, – сочувственно проговорил Томас.

– Именно! Это ж как меж молотом и наковальней.

– Почему бы вам не сделать обувь на заказ? – предложил Томас.

Спаркс расхохотался:

– Ну, вы даете! У меня что, печатный станок? Я не могу себе такого позволить. Это нереально. Я с трудом тащу на себе Джуди. А сам спасаюсь мелочевкой, вроде этого, – и он указал на полку, где среди других препаратов были выставлены маленькие коробочки с надписью: «Хэллоуэй. Подушечки от натоптышей».

Наконец дошла очередь до Спаркса. Изобразив на лице улыбку бабника, что было ужасно смешно, он обратился к молоденькой девушке-провизору:

– А мне, красавица, вон ту красивую упаковочку «Хэллоуэй», пожалуйста. И очередной тюбик той самой мази для нежных мест моей бедной сестрицы.

Когда Томас вышел из аптеки, он был раздосадован, увидев, что Спаркс поджидает его, чтобы вместе отправиться домой. Поневоле пришлось о чем-то говорить. Томасу удалось сменить тему с болячек мисс Спаркс на более уместный разговор о футболе. Когда они уже подходили к дому, вышла еще одна незадача: Сильвия рыхлила землю в палисаднике, чтобы посадить луковицы цветов. Увидев мужа в компании соседа, она выпрямилась, растирая поясницу.

– О, доброе утро, мистер Спаркс. А я как раз чайник поставила. Не хотите ли составить нам компанию?

Скрипя зубами, Томас зашел в дом вслед за женой и незванным гостем. Он прекрасно понимал, что Сильвия сделала это назло. Она быстро расставила чашки с блюдцами. Потом принесла с кухни чайник.

– Знаю-знаю: вы любите покрепче и с сахаром, – сказала она, наполняя чашку для Спаркса. При этом она наклонилась над гостем чуть ниже, чем того требовали приличия. Следует сказать, что Сильвия очень быстро восстановилась после родов, и к ее стройной фигуре добавился пышный бюст, так как она все еще кормила малышку грудью. Сей факт не ускользнул от внимания Спаркса, и он подался вперед, едва ли не засунув нос в ее декольте. Томас просто дрожал от негодования.

– Должен вам сказать, дорогой Фолей, – заметил Спаркс, пока Сильвия отлучилась на кухню, чтобы порезать ореховый торт, – что вы абсолютный болван, если вас интересует мое мнение.

– С чего бы это? – поинтересовался Томас, понимая, что меньше всего его интересует мнение такого соседа.

– Оставлять эту беззащитную женщину одну, без присмотра... Зачем вам сдалась эта Бельгия? На вашем месте я бы не отходил от нее ни на шаг.

Томас положил себе сахар и размешал его, нервно позвякивая ложечкой.

– Ну, сами посудите, шесть месяцев – это ведь так долго. Разве вам не все равно, что она будет скучать?

Вернулась Сильвия с тортом.

– Как мило с вашей стороны, что вы меня поддержали, – сказала она. – Но боюсь, мой муж устроен иначе.

– Я бы даже сказал, что это не по-мужски, – подлил масла в огонь Спаркс.

– Я буду прилетать на выходные. Как можно чаще, – сказал Томас. – Кроме того, мы будем перезваниваться и писать друг другу.

– Да-да, конечно. Мы будем вести страстную переписку, – съязвила Сильвия.

– Как бы то ни было, – с нажимом произнес Спаркс, – мужчина в доме нужен постоянно! Прошу вас, миссис Фолей, если вам потребуется мужчина, я всегда в вашем распоряжении. Только позвоните мне в дверь, и я прибегу по вашему первому зову.

– Ого, мистер Спаркс, что бы все это значило? – лукаво поинтересовалась Сильвия.

Спаркс покраснел до кончиков ушей.

– О, гм... Я всего лишь имел в виду – мало ли что: может, лампочку поменять, подправить полку или что подремонтировать.

– Ах, вот оно что, – Сильвия сделала глоток чая, продолжая улыбаться. – Как это мило с вашей стороны. Правда, дорогой? Мистер Спаркс – настоящий джентльмен.

Томас окинул жену ледяным взглядом и, выдержав паузу, торжественно произнес:

– Кстати, Спаркс признался мне, что он – несчастная жертва натоптышей. Мучается неимоверно. Да я и сам был свидетелем, как он еле дохромал от аптеки до дома.

Но пущенная стрела не достигла своей цели: подобное откровение вовсе не оттолкнуло Сильвию от Спаркса, а даже наоборот. Бросив в сторону соседа взгляд, преисполненный сочувствия, Сильвия воскликнула:

– Боже, какая жалость! Натоптыши ужасно отравляют жизнь. Моя мама годами мучилась из-за этого. И моя бабушка тоже. Это у нас семейное.

– А ваша мама не пробовала вот это? – Спаркс вытащил из кармана коробку с подушечками. – Нужно приложить к болезненной зоне, чтобы дырочка была посередине, и тогда...

Нет, это уж слишком! Томас отправил в рот большой кусок торта и принялся интенсивно жевать, играя желваками.

В прихожей зазвонил телефон, и он был просто счастлив поводу отлучиться! Когда он вернулся в гостиную, тема натоптышей, к счастью, была исчерпана, зато теперь «истинный джентльмен» настоятельно рекомендовал свои услуги уже практически соломенной вдове:

– Без машины вы будете привязаны к дому, – увещевал он. – Так что я всегда могу вас подбросить до магазина, до остановки, куда захотите.

– Неужели, Спаркс, ваша древняя тархтелка все еще на ходу? – усмехнулся Томас, прекрасно осознавая, что у него-то самого вообще нет машины. – Я думал, она уже давно развалилась.

– А кто звонил? – спросила Сильвия.

– Непонятно. Какой-то треск в трубке.

– О, вчера было тоже самое.

– В самом деле?

– Да. Два раза звонили, и все тот же треск.

Тут мистеру Спарксу пришла пора идти домой – его ждала сестра со своими пролежнями. Томас лично проводил соседа до ворот – он хотел убедиться, что тот не станет торчать под их окнами.

– Боже, какой тупица, – пробормотал Томас, вернувшись в дом. Сильвия стояла в коридоре, приложив к уху телефонную трубку.

– Дорогая, все в порядке?

– Да. Просто я расстроилась из-за телефона.

– Длинный гудок есть?

– Да.

– Самое главное, что работает.

– Просто этот треск появился после того, как приходил монтер.

Томас обернулся на пороге кухни:

– Монтер? Какой еще монтер?

– Он в четверг утром приходил. Сказал, из почтового ведомства. Часа полтора возился с проводами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzhonatan-kou/ekspo-58/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Гари Купер (англ. Gary Cooper, 1901–1961) – американский актер, сыгравший в сотне фильмов, получивший два «Оскара» за лучшую мужскую роль (1941, 1952) и почетный «Оскар» за общий вклад в развитие американского кино (1961).

2

Дерк Богард (англ. Dirk Bogarde, 1920–1999) – британский киноактер.

3

«Великобритания активно участвует в международной торговле. Велик ее вклад в международные услуги, такие как морской и воздушный транспорт, туризм, банковское дело и страхование. Не говоря уже о лондонском Сити с его знаменитыми Английским банком, Фондовой биржей и Страховой компанией Ллойда, уже давно и по праву являющейся крупнейшим в мире финансовым центром».

4

Фредерик Керзон (1899–1973) – английский композитор.

5

Эдуард Уильям Элгар (1857–1934) – английский композитор романтического направления.

6

Генри Перселл (1659–1695) – английский композитор, представитель стиля барокко.

7

Скифл – английский популярный музыкальный стиль, введенный певцом и музыкантом Лонни Донеганом в середине 1950-х.

8

Добро пожаловать (нидерл.).

9

Дружеское спасибо (нидерл.).

10

Молодец! (нидерл.)

11

Эль-Аламейне – город на севере Египта.

12

Тонбридж – город на юго-востоке Англии.

Купить: <https://telnovel.com/dzhonatan-kou/ekspo-58-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)